

На правах рукописи

Прокопенко Юрий Анатольевич

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ОСЕДЛЫХ И КОЧЕВЫХ
НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э.**

Специальность 24.00.01. – Теория и история культуры
07.00.06 – Археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2006

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры
Российского государственного гуманитарного университета

Научный консультант

доктор исторических наук С.А. Яценко

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор А.П. Медведев

доктор исторических наук, профессор В.Я. Петрухин

доктор исторических наук, профессор Б.В. Техов

Ведущая организация: Государственный исторический музей

Защита состоится 6 ноября 2006 г. в 14 –00 часов

на заседании диссертационного совета Д.212.198.06

при Российском государственном гуманитарном университете

по адресу: 125993, Москва, ГСП-3, Миусская пл., 6

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского
государственного гуманитарного университета

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат культурологии

Е.Г. Кратасюк

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение проблем происхождения ряда современных народов Северного Кавказа неразрывно связано с этнокультурной историей автохтонных племен кобанской культуры и ираноязычных кочевников – скифов и сарматов. Выяснение специфики этнических процессов, протекавших в среде оседлого и кочевого населения этого региона, может способствовать воссозданию объективной картины этногенеза народов Северного Кавказа.

Трудности исследования этнических общностей в Предкавказье в эпоху раннего железного века состоят в том, что эта территория представляла собой своеобразную контактную зону, место столкновения и взаимодействия племенных объединений, различных по этническим признакам и хозяйственному укладу. Культура населения этого региона носила смешанный характер. Проблема определения этнического состава населения в зонах наибольшего взаимодействия древних племен весьма сложна. Противоречивый характер сведений античных авторов, неопределенность в интерпретации археологических источников заставляют критически подходить к проблеме переходного периода от скифского времени к раннесарматской культуре и далее к среднесарматскому периоду.

В I тыс. до н.э. центральные районы Северного Кавказа населяли представители кобанской культуры. Территория расселения этих племен охватывали значительные районы Северного Кавказа - от верховьев Кубани до лесистых предгорий Чечни и Дагестана. Кобанская культура включает в себя памятники разных географических зон – горной, предгорной и равнинной. Материалы центральных районов Северного Кавказа скифского и сарматского времени свидетельствуют о том, что памятники предгорий по своей культуре гораздо ближе памятникам равнинных районов, чем горных. Для многочисленных группировок разновременных кочевых и полукочевых племен степи Предкавказья были местом постоянного обитания. Этому способствовали пригодные для кочевого образа жизни природные условия и близость крупных экономических центров того времени на Боспоре и в Закавказье.

Многовековое соседство местных племен с номадами во многом предопределило их культурную, а иногда и политическую ориентацию на Скифо-Сарматский мир вплоть до частичной инкорпорации в него автохтонных этнокультурных образований Предкавказья. Изменение политической ситуации в регионе вынуждало прежние кочевые группировки отходить к югу - в более безопасные предгорные районы, занятые автохтонами. Все это стимулировало процессы культурно-, социо- и политогенеза.

Особое внимание современных исследователей к памятникам сарматского времени не случайно. Комплексное изучение таких памятников позволяет не только рассмотреть определенный период в истории северокавказских племен, но и решать ряд более широких вопросов, в частности, об особенностях этногенеза осетин, карачаевцев и балкарцев. По общепринятой в историографии точке зрения в этногенезе осетин участвовали раннесредневековые аланские племена Северного Кавказа: появление же алан на Кавказе относится именно к сарматскому периоду. Обсуждение этого и других вопросов, касающихся взаимоотношений кочевых и оседлых племен, требует в первую очередь рассмотрения материалов памятников равнинных и предгорных районов, где происходили прямые контакты этих двух групп населения.

Рассматриваемый в диссертации исторический период (вторая пол. I тыс. до н.э.) – это период военной демократии и экономического подъема, связанного с активным освоением железа. В то время в регионе развивается бесписьменная культура: складываются основы героического эпоса, мифология, изобразительное искусство. История этих племен мало известна в античной традиции. Главным источником для исследования является археологический материал и фольклор. Среди археологических источников одно из важных мест занимает прикладное искусство. Изучение его позволяет реконструировать специфику локальной духовной культуры древних народов региона.

Важным следует считать также изучение системы жизнеобеспечения поселений и городищ Центрального Предкавказья исследуемого времени: фортификационных сооружений, жилищ, производственных комплексов, а также основных видов хозяйственной деятельности: земледелия, животноводства, охоты и рыболовства. Анализ инокультурных элементов в системе жизнеобеспечения (в том числе в хозяйственной деятельности) может дать свидетельства о процессах межкультурных контактов, органического включения в ткань коренной культуры близкородственных и чужеродных элементов.

Слабо разработанной в российской науке проблемой остаются также экономические связи народов Кавказа между собой и с внешним миром во второй пол. I тыс. до н.э. Изучение категорий импортов: ахеменидского, парфянского, албанского, боспорского, римского, меотского производства, обнаруженных в памятниках исследуемого района, позволяет значительно расширить наши представления о развитии международных политико-экономических связей населения скифского и сарматского времени Центрального Предкавказья.

Следует отметить отсутствие специальных монографических исследований, посвященных скифскому и раннесарматскому периодам Центрального Предкавказья, в которых бы комплексно анализировались материалы могильников и поселений. Использование комплексного подхода дает возможность уловить те изменения в культуре, которые происходили в древности и которые теряются, когда дается лишь общая характеристика больших археологических периодов.

Научная новизна диссертации состоит в следующем.

1. Проведен полный историографический анализ научной литературы, посвященной изучению материалов скифского и раннесарматского времени Центрального Предкавказья;

2. Впервые подвергнуты комплексному анализу особенности погребального обряда и инвентаря всех типов погребальных памятников Центрального Предкавказья второй пол. I тыс. до н.э. (независимо от их этнической принадлежности). Подробно рассматривается каждая категория памятников, классифицированных по типам и функциональной принадлежности, выявляются общие и локальные особенности исследуемых сооружений. Всего учтены материалы около 1040 погребений V – I вв. до н.э. Кроме автохтонных (позднекобанских) и кочевнических (скифских, савроматских, сарматских) комплексов выявлены захоронения со смешанными чертами в погребальном обряде. Предложена периодизация функционирования могильников с различными типами захоронений. Выявленные инокультурные включения в обряде и инвентаре были рассмотрены как результат культурного взаимодействия оседлых и кочевых народов.

3. Прослежена динамика изменения картографической локализации автохтонных, кочевнических захоронений и комплексов второй пол. I тыс. до н.э. со смешанными чертами. Полученные результаты сопоставлены с этнокартами Страбона и Плиния Старшего.

4. Введен в научный оборот новый термин «язамато-меотский» союз племен (применимый для периода IV – нач. III в. до н.э.). Определен состав союза и локализована территория расселения. Установлена связь данного племенного объединения с населением Ставропольской возвышенности. Выдвинута собственная концепция причин распространения в западных районах Центрального Предкавказья каменных гробниц, аналогичных античным склепам. Установлена связь между распространением в регионе склеповых и др. захоронений (с прикубанскими импортами в инвентаре), а также ритуальных комплексов (в том числе изваяний) с пребыванием отдельных групп населения региона в Низовьях Кубани в IV – нач. III вв. до н.э. в период боспоро-меотских войн и других событий, связанных с активностью язамато-меотского союза племен. Отдельные элементы обряда и ряд категорий инвентаря склеповых захоронений сопоставлены с аналогичными, характерными для позднекобанских и для скифских погребений. Выявленная доминанта кобанского компонента позволила соответствующим образом атрибутировать исследуемые комплексы.

5. На основании изучения сведений античных авторов о политических событиях и географии Предкавказья в последние века до н.э., а также в результате анализа категорий

античных и закавказских импортов, обнаруженных в памятниках Центрального и Восточного Предкавказья, сделаны выводы о функционировании северокавказского торгового пути и роли политических факторов в экономическом развитии региона. Выделена целая серия признаков, указывающих на связи населения Ставропольской возвышенности и предгорных районов Предкавказья с боспорскими городами и центрами Иберии и Албании. Отмечена роль меотов и кочевников в транзитной и посреднической торговле.

6. При изучении центральнопредкавказских изделий, выполненных в зверином стиле V – III вв. до н.э. выявлен ряд изображений, являющихся производными от синтеза образов, характерных для кобанского искусства и скифского «звериного стиля». Отмечено распространение в зонах этнического смешения в III – I вв. до н.э. предметов кочевнического быта, содержащих образы, характерные для кобанского искусства. Определены причины данного явления.

7. Реконструирован музыкальный инструментарий местного населения. Выдвинута собственная концепция хронологии и причин распространения ряда музыкальных инструментов в регионе. Прослежена связь появления у горцев некоторых инструментов с миграционными процессами. Подчеркнута ритуальная роль музыкальных инструментов у кочевых и оседлых народов Предкавказья.

8. Отмечено, характерное для второй пол. I тыс. до н.э., сосуществование и взаимодействие близких по содержанию, но различных по происхождению культовых систем: кавказской и древнеиранской. В погребальной практике оседлого населения V – IV вв. до н.э. прослежены инновационные черты, связанные с процессами культурного контактирования автохтонов с кочевыми племенами (скифами и савроматами). Выявлена группа захоронений III – I вв. до н.э. со смешанными чертами в погребальном обряде. Отмечена связь их распространения с процессами седентеризации кочевников и одновременного их (сарматов) этнического смешения с миксированным (кобано-скифским) населением предгорных районов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Этнокультурные связи народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. могут быть заново исследованы на основе комплексного анализа археологических материалов, письменных источников, данных этнографии и различных версий кавказского героического эпоса, особенно осетинских нартовских текстов, содержащих информацию о скифо-сарматском периоде (культовой практике, воинской культуре и др.). В числе процессов, характеризующих этнокультурные связи населения региона, выделяются этнические, культурные (костюм, прикладное искусство, верования и др.) и экономические контакты.

2. Фортификационные сооружения, жилища, производственные комплексы, основные виды хозяйственной деятельности: земледелие, животноводство и др., представляют целостную систему жизнеобеспечения поселений и городищ. Уточнение ее особенностей, характерных для различных районов Центрального Предкавказья, позволяет проследить традиционные черты и определить инновации в различных элементах системы, связанные с культурным контактированием позднекобанских племен с кочевниками и населением Прикубанья.

3. Обобщение материалов основной части открытых склеповых сооружений и комбинированных могильников, состоящих из склепов и грунтовых захоронений позволяет установить этническую принадлежность данных памятников. Сопоставление отдельных элементов обряда и ряда категорий инвентаря склеповых захоронений с аналогичными, характерными для позднекобанских и для скифских погребений дает возможность определить этническую доминанту местного населения.

4. Согласно исследовательской гипотезе материалы склеповых могильников, свидетельствующие о трех периодах существования памятников, связаны с изменениями политической ситуации в регионе. Сравнительный анализ картографической ситуации распространения склеповых могильников с этнокартой Страбона позволяет их строителей сопоставить с известным (по Страбону) народом набианов. Географическая локализация таких памятников и хронологический анализ инвентаря фиксируют два различных, отличающихся

хронологически и территориально расположения набианов, связанных с миграционными процессами в регионе.

5. Анализ импортов и других хорошо датирующихся категорий инвентаря, выявленных в захоронениях и в слоях поселений III в. до н.э., помогает документировать плотность заселения Предкавказья в данный период. В население смешанное со скифами и савроматами во второй половине III в. до н.э. вливаются кочевые племена с элементами прохоровской культуры.

6. Рассмотрение в совокупности всего комплекса проблем, связанных с распространением в Предкавказье племен сираков и дальнейшим функционированием в регионе сиракского союза племен, позволяет проследить динамику культурного взаимодействия сираков с местным населением, выделить зоны их этнического смешения и седентеризации сарматских племен в Центральном Предкавказье.

7. Детальный анализ категорий погребального инвентаря из захоронений Центрального Предкавказья V – IV вв. до н.э. (оружие, украшения, керамика, зеркала и др.) помогает выявить инокультурные элементы. Сравнение их с известными типами подобных изделий, открытых в памятниках территорий удаленных от Северного Кавказа, позволяет определить регионы с которыми население Предкавказья в исследуемый период имело налаженные культурные и экономические связи, а также установить связь распространения некоторых импортных предметов с транзитными связями и с перемещениями кочевников.

8. Анализ прикладного искусства горского и степного населения второй пол. I тыс. до н.э., а также исследование семантики древних изображений, прослеживают их культовые истоки и позволяют выявить сюжеты, заимствованные в результате культурных связей и этнических процессов.

9. Обобщение, географическая локализация всех изделий, выполненных в зверином стиле V – II вв. до н.э. и анализ изображений из различных районов Центрального Предкавказья (Ставропольская возвышенность, степное Ставрополье, р-он Кавминвод, территория Кабардино-Балкарии, горные р-ны Северной Осетии, Затеречье) помогают выявить специфические особенности трактовки образов животных, на основании чего могут быть намечены основные связи данных регионов с различными стилистическими школами.

10. Ретроспективное рассмотрение погребальной обрядности оседлых и кочевых народов Предкавказья скифо-сарматского времени помогает реконструировать культовый комплекс местных племен и выявить заимствованные элементы в религиозных верованиях смешанного населения. Сравнение особенностей погребальной обрядности населения региона с данными Нартовского эпоса и материалами этнографии (языческие обряды осетин и др. народов Северного Кавказа) помогают выявить следы индоиранской мифологии и определить иерархию культов. При этом все основные культовые комплексы представляются как симбиоз близких по содержанию, переплетающихся между собой, менее значительных культов.

Исходя из анализа разработки проблемы, ее научной и практической значимости, определяются цель и задачи данного диссертационного исследования.

Основной целью является: анализ этнокультурных процессов, происходивших в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э.; выяснение степени и специфики влияния кочевников Предкавказья позднескифского и раннесарматского периодов на различные аспекты культуры и стороны жизни северокавказских племен и обратного воздействия последних на номадов.

Цели исследования соответствуют следующие **научные задачи:** 1) проведение историографического анализа научной литературы, посвященной изучению материалов скифского и сарматского времени Центрального Предкавказья; 2) анализ погребального обряда всех типов памятников автохтонных и кочевых племен Центрального Предкавказья V – I вв. до н.э., на его основе выявление комплексов со смешанными чертами; 3) выяснение типов контактов автохтонного населения с ираноязычными кочевниками и их различной значимости; 4) реконструкция системы жизнеобеспечения местного населения, выявление в ней заимствованных элементов; 5) исследование элементов погребальной обрядности

населения Центрального Предкавказья и их корреляция с кавказскими и древнеиранскими культурами; 6) анализ изобразительного и прикладного искусства (плоскостных, графических, скульптурных изображений, изделий звериного стиля) из отдельных районов Центрального Предкавказья (Ставропольская возвышенность, степное Ставрополье, р-он Кавминвод, территория Кабардино-Балкарии, горные р-оны Сев. Осетии, Затеречье) и выявление основных связей данных регионов в исследуемый период с различными стилистическими школами; 7) картографирование и анализ импортных вещей V – I вв. до н.э., обнаруженных в памятниках Центрального Предкавказья и выяснение причин их распространения в регионе; 8) раскрытие роли функционирования важнейших транскавказских путей в процессах культурного контактирования.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают вторую половину I тыс. до н.э. (V – I вв. до н.э.). Выбор нижней даты исследуемого периода объясняется уходом основной части скифов из Предкавказья в нач. V в. до н.э. (оставшаяся часть в значительной степени была подвержена миксации с автохтонным населением). Верхней датой является период обострения политической ситуации в сер. I в. н.э. в Предкавказье, в результате чего происходит смена кочевого - сарматского населения, а сохранившаяся часть прежних кочевых и смешанных племен вынуждена была мигрировать в горные и предгорные районы, занятые потомками кобанских племен. В результате завершился первый период политического господства в Центральном Предкавказье ираноязычного населения, предположительно приведший к формированию дигорского диалекта осетинского языка.

Территориальные рамки в работе ограничены центральными районами Предкавказья, население которых по своей культуре значительно отличалось и от населения более восточных районов (Дагестана), и от населения Северо-Западного Кавказа (меоты Прикубанья).

В качестве северной границы следует считать водную систему Маныча – (Маныч - Чограй), отделявшую Предкавказье от группировок, кочевавших севернее (на территории современной Калмыкии). Западной границей региона является Нижнее течение Кубани и ее западные притоки (левый берег р. Уруп, Большой и Малый Зеленчуки). В данном районе кобанские племена соседствовали с меотами Прикубанья. Восточная граница установлена по линии р. Аксай – Нижнее течение р. Терек. Ее выбор объясняется распространением здесь в указанный период племен, являвшихся потомками каякентско-хорочоевской культуры. Южная граница Центрального Предкавказья проходит по Главному Кавказскому хребту.

Объектом исследования является комплекс этнических контактов и культурных связей оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э.

Предметом диссертационного анализа являются различные аспекты культуры оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья позднескифского и раннесарматского периодов, наиболее подверженные фактору взаимодействия и взаимопроникновения (элементы земледелия и животноводства, воинской и строительной культуры, костюм, украшения, керамическая посуда, религиозные верования, прикладное и изобразительное искусство, скульптура, музыкальный инструментарий и др.).

Методология исследования. С учетом междисциплинарного подхода, разрабатываемого отечественной и мировой научной мыслью, применялась коммуникативно-семиотическая теоретическая концепция для интерпретации исторических явлений, детально разработанная и обоснованная представителями тартуско-московской школы (В.В. Иванов, Д.С. Раевский и др.), т.е. восприятие материальных памятников как знаковой системы, подлежащей раскодированию. Основной характеристикой этой концепции является уход от монокаузальности и стремление к синтезу познавательных средств и методов различных школ, направлений и дисциплин. В рамках указанного подхода возможно наиболее полно реализовать принципы системности; он позволяет описать и проанализировать изобразительные и словесные памятники в единой системе понятий, что является необходимым условием для их сопоставления и сравнительного изучения.

Синтез теорий, альтернативность подходов, разнообразие методологических приемов дали возможность существенно расширить инструментарий исследования, шире и полнее раскрыть процессы этнокультурного контактирования племен Центрального Предкавказья, происходившие в течение второй половины I тыс. до н.э., в их диалектическом взаимодействии. В этой связи помимо коммуникативно-семиотической концепции ценными методологическими посылками в исследовании заявленной проблемы являются позитивные достижения цивилизационного подхода, отдающего приоритет изучению социокультурных ценностей. Теоретический анализ закономерностей развития культурологической матрицы социума (или «доминантной формы социальной интеграции»), влияния ментальных установок людей на течение общественных процессов продуктивен при применении к исследованию проблем этнокультурных взаимодействий. Цивилизационные концепции помогают лучше раскрыть специфику многовариантного развития регионов. Также важными следует считать элементы формационного подхода, с помощью которого историю любого явления можно рассматривать как стадийный процесс, опирающийся на материальные основы. Методологически важными являются соображения об общих тенденциях развития этносов, анализ проблем ассимиляции и др.

Стоит отметить трудности в изучении истории бесписьменных народов, где археологический материал приобретает особое историческое значение и становится чуть ли не единственным для исторических реконструкций. Изучение идеологических представлений бесписьменных народов еще более трудоемкий процесс, весь традиционный обряд или ритуал (как отражение космогонии) представляет собой культурный текст, включающий в себя элементы различных кодов: акционального, реального или предметного, вербального, персонального, локативного, музыкального, изобразительного и тд.¹. В этой связи любое предприятие историка религий и искусства представляется много более сложным и дерзким, нежели то, что делает историк, которому нужно восстановить событие на основе сохранившегося скудного материала. Необходимо не только проследить историю иерофании (ритуала, мифа, божества или культа), но и сделать понятной модальность сакрального, раскрываемую этой иерофанией.

Непосредственно археологический материал в лучшем случае дает исследователю изобразительный и предметный код, все же другие материалы (вне нарративных источников) остаются не доступными. Поэтому многие проблемы археологии и ранней истории бесписьменных народов, в том числе культурного взаимодействия, решаются комплексно, с привлечением данных и методов других наук – этнографии, лингвистики, семиотики, антропологии, культурологии и религиоведения.

Любая попытка изучения скифо-сарматской и кавказской религиозной системы и искусства, есть реконструирование их на основе фрагментарных данных археологии, письменных свидетельств античных авторов и общеиндоевропейских мифологических мотивов. Осуществляя в работе комплексный анализ текста и артефакта (как предметному выражению текста), автор в большом объеме использует данные и методы других наук, что в свою очередь, возможно, позволило приблизиться к семантике изображений, обрядов и символов автохтонных, скифских и сарматских племен Предкавказья.

Постановка в диссертации определенных исследовательских задач обусловила выбор общенаучных и специальных исторических методов исследования: структурно-системного, сравнительно-исторического, проблемно-хронологического, хронологически-проблемного, синхронического, историко-типологического и др. В частности, сравнительно-исторический метод использовался для установления сходства и различия между многими, рассмотренными событиями и явлениями, и определял основу умозаключений по аналогии.

Использование проблемно-хронологического метода позволило рассматривать проблемы этнокультурного взаимодействия в их хронологической протяженности и в единой исторической перспективе. В соответствии с этим методом в ряде случаев изучаются неповторяющиеся группы проблем по истории этногенеза, культурного взаимодействия и

¹ Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 167-168

торгово-экономических связей населения Предкавказья, характерные для различных этапов исследуемого периода. Синхронический метод позволяет установить связи и взаимосвязи между явлениями и процессами, протекавшими в одно и то же время в разных местах Северного Кавказа.

Также очень важен историко-типологический метод, который позволил интерпретировать ряд изображений звериного стиля, происходящих из позднекобанских памятников, а также выявить категории импортных предметов (производства городов Боспорского царства, Ахеменидского Ирана и римско-провинциального производства) в комплексах V – I вв. до н.э. Центрального Предкавказья.

Характеристика ведущих терминов исследования представляется необходимой частью работы.

В тексте диссертации используются не тождественные термины: «*культура*» и «*археологическая культура*» (кобанская и др.).

В определении «*археологической культуры*» разные авторы делают акцент на территориальной, хронологической, стилевой, этнотерриториальной, этнической и т.п. специфике данной культурной общности. По определению Л.С. Клейна, *археологическая культура* является совокупностью археологических памятников, объединенных близким сходством типов орудий труда, утвари, оружия и украшений (особенно же сходством деталей в формах вещей, сходством керамической орнаментации и приемов техники), сходством типов построек и погребального обряда².

Из множества определений культуры, существующих в настоящее время, в качестве рабочего было выбрано следующее - «*культура*» как тот или иной образ жизни, совокупность порядков и объектов, созданных людьми, заученных форм человеческого поведения и деятельности, обретенных знаний, образов самопознания символических обозначений окружающего мира. Культура представлена в диссертации как мир норм и регулятивов человеческой деятельности и образов сознания, аккумулированных и селектированных социальным опытом. В культурных формах воплощаются системы социальных целей, ценностей, правил, обычаев, технологий социализации личности и воспроизводства сообществ как устойчивых функциональных целостностей. Это - мир символических обозначений явлений и понятий, сконструированный людьми с целью фиксации и трансляции социально значимой информации, знаний, представлений, опыта, идей и т.п.³.

Культура представлена в диссертации в виде целостной, развивающейся и открытой системы, развитие которой происходит путем сохранения традиций, придающей культурным формам устойчивость и внесения инноваций, делающих культуру гибкой и подвижной. Последние на протяжении одного-двух поколений превращаются в традицию. Под культурной традицией следует понимать «стереотипизацию социально организованного группового опыта людей»: она включает в себя обычаи, ритуалы, технические навыки, регламентированные установления в производстве и искусстве⁴.

Инновации могут возникать в культуре экзогенно или эндогенно, на месте, путем эволюционного развития, или же путем заимствования, будь то новый тип погребального сооружения, технический прием или новый тип вещей (например, более эффективный вид вооружения), новая мода или новая ценностная ориентация. Разные элементы культуры обновляются в разном ритме, причем этот ритм зависит от культурно-исторического периода (смены эпохальных мод) и характера сношений носителей данной культуры с окружающими. Особый интерес представляет появление новшеств при контакте местного горского населения с пришлым, например, ираноязычным⁵.

² Клейн Л.С. Археологическая типология. СПб, 1991; Яценко С.А. Археология // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 48-49.

³ Флиер А.Я. Культура // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 203-204.

⁴ Арутюнов С.А. Обычаи, ритуал, традиции // СЭ. 1981. С. 78, 98.

⁵ Ковалевская В.Б. Культурологический анализ, ареальный метод и проблемы выделения локальных вариантов археологической культуры (на материалах Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С.11.

Своеобразным интегралом, охватывающим едва ли не все этнические феномены, является категория «*этничность*». Данная категория включает в себя такие ментальные характеристики, как общая история, общее происхождение и территория, общая культура и традиции, чувство солидарности и достоинства. В теориях этничности, используемых при изучении древних культур доминируют два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое. Сторонники первого рассматривают этничность как объективную данность⁶. По мнению известного германского социолога Ф. Хекмана, этничность - это показатель реальных взаимоотношений как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях, характеризующий группы людей, связанных между собой едиными представлениями о генетическом родстве и культурно-языковой общности. Ч. Кейс, Г. Лапидус, М. Нэш и другие исследователи предлагают сходные трактовки «этничности» как базы социальной организации общества⁷. Исследователи⁸ (к ним относится и автор настоящего диссертационного исследования), представляющие эволюционно-исторический подход, рассматривают этносы как социальные сообщества, глубинно связанные с социально-историческим контекстом.

Источниковую базу исследования составляет широкий круг опубликованных и неопубликованных материалов и архивных документов. Большой объем информации отложился в материалах фондов 1, 2 и Р-1 Архива института истории материальной культуры (ИИМК РАН), фонда Р-1 Архива института археологии РАН, а также в фонде 101 (архив канцелярии Ставропольского губернатора) и фонде ФР-645 (Ставропольский краеведческий музей) Государственного архива Ставропольского края (ГАСК). Источники данной группы показывают историю археологического изучения памятников Терской области и Ставропольской губернии и раскрывают характер изучения скифских и сарматских памятников в Центральном Предкавказье в конце XIX – начале XX века и в 40-90 годы XX века. Данные этих источников позволяют ввести в научный оборот неизвестные ранее комплексы и отдельные предметы производства кобанских, скифских и сарматских племен.

Вторую группу составляют неопубликованные археологические материалы из музейных фондов: Государственного Эрмитажа (отдел ОАВЕС); Государственного Исторического музея (отдел археологии); Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им Г.Н. Прозрителева, Г.К. Праве (фонды: археологии (ф.70), а также личные архивы известных исследователей Г.Н. Прозрителева (ф.2) и Т.М. Минаевой (ф.79); Пятигорского краеведческого музея (фонд археологии, личный архив А.П. Рунича); Георгиевского краеведческого музея (основной фонд); Железноводского муниципального краеведческого музея (основной фонд). Данная группа источников расширяет круг известных категорий предметов материальной культуры, происходящих из Степного Ставрополя, района Кавминвод и предгорной зоны Центрального Предкавказья.

К третьей группе источников относится этнографический материал, собранный стационарным методом в горных селах Осетии и опубликованный в конце XIX в. Этот материал содержит ценную информацию об языческих культах, которые существовали у горцев вплоть до этого времени. Данные сведения важно использовать при реконструкции культовой практики местного населения в скифский и сарматский периоды, поскольку осетины являются потомками ираноязычных племен.

В четвертую группу источников входят ранее опубликованные своды предметов производства кобанских племен и кочевого населения (оружие, украшения, керамика и др.).

⁶ Keyes F. The Dialectic of Ethnic Change // *Ethnic Change* / Ed. By Ch. F. Keyres. Seattle. London, 1981. P. 6; Van den Berger P. *The Ethnic Phenomena*. New York, 1987.

⁷ Nash. M *The cauldron of ethnicity in the modern world*. –Chicago, L., 1989.

⁸ Артановский С.М. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур: философско-методологический анализ современных буржуазных концепций. Л., 1967. С. 177; Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // *СЭ*. 1968. № 2. С. 35; Бромлей Ю.В. *Этнос и география*. М., 1972; он же. *Очерки теории этноса*. М., 1983; он же. *Этнические процессы в современном мире*. М., 1987; Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э.-IV в. н.э.). М., 1993. С. 100-196; Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // *МИАР. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы* М., 1997. Вып. 1. С. 158, 162; Марченко И.И. *Сираки Кубани*. Краснодар, 1996. С. 131 и др.

Данные публикации содержат богатый фактический материал, обобщенные сведения археологических исследований конца XIX в. – по 90-е гг. XX в. Особо следует выделить монографии В.И. Козенковой, в которых сведены почти все известные находки предметов кобанского производства (в том числе позднекобанских).

Пятую группу составляют письменные источники. К ним относятся свидетельства античных авторов о этно-политической ситуации на Северном Кавказе во второй половине I тыс. до н.э., культурно-экономических связях горского населения, о транскавказских торговых путях, функционировавших в раннем железном веке. Здесь же следует отметить средневековые кавказские летописи (Картлис Цховреба, хроника Леонтия Мровели и др.), сохранившие в текстах сведения о более ранних периодах истории (в том числе эпохи раннего железного века) народов Кавказа (эпизодов, касающихся этнополитической истории Северного Кавказа).

Шестая группа состоит из священных (религиозно-мифологических) текстов индоевропейских народов, в первую очередь индоиранцев: «Ригведа», «Авеста», «Упанишады», а также сказки и легенды кавказских народов. Все эти источники, в той или иной степени содержат ряд общеиндоевропейских мифологических архаизмов, наличие которых в скифо-сарматской традиции подтверждается типологически, и уже неоднократно отмечено учеными. К этой же группе следует отнести различные версии нартовского героического эпоса. Особенно важным источником являются осетинские нартовские тексты, содержащие информацию о скифо-сарматском периоде (культовой практике, воинской культуре и др.). Важность данных нартовского эпоса подчеркивается этногенетической близостью осетин, скифов и сарматов.

Седьмую группу источников представляют опубликованные результаты археологических раскопок памятников скифского и сарматского периодов Центрального Предкавказья конца XIX – начала XX в., 20-30 гг., 50-90 гг. XX в., начала XXI в. (отчеты и труды научных учреждений, монографии, сборники научных статей, материалы международных, общероссийских, региональных конференций и симпозиумов)

Практическая значимость. Результаты диссертации могут быть использованы при написании региональных очерков истории, в подготовке вузовских курсов «Археология Северного Кавказа», «Историческое краеведение», в разработке спецкурсов по истории культуры и истории народов Северного Кавказа, археологии Северного Кавказа, а также при создании обобщающих трудов по этнополитической истории, археологии и экономической истории региона. Содержащийся в диссертации материал, основные положения и выводы могут способствовать расширению понимания процессов духовной жизни, углублению знаний в области истории культуры и этнокультурных форм взаимодействия на Северном Кавказе.

Результаты комплексного исследования изделий скифского и раннесарматского периодов, наиболее подверженных фактору взаимодействия и взаимопроникновения (украшения, керамическая и др. посуда, типы вооружения, конская упряжь, предметы прикладного и изобразительного искусства, скульптура, музыкальный инструментарий и др.), могут быть вскоре использованы в следующих направлениях: 1) уточнение этнической атрибуции и датировки большой серии древних изделий поможет провести экспертизу памятников прикладного искусства в музейных и частных собраниях, позволит археологам интерпретировать ряд сильно поврежденных комплексов и случайных находок; 2) реконструкция предкавказского воинского костюма и конского убора второй половины I тыс. до н.э. будет содействовать корректному изучению музейных предметов в отделах древности музеев различных стран; 3) обширный, ранее малоизвестный археологический материал (украшения, керамика, прикладное искусство и др.), систематизированный и проанализированный в диссертации, демонстрирует ряд форм и подходов, которые могут быть полезны современным скульпторам, художникам по керамике и т.д.; 4) материалы исследования могут быть востребованы в постановках по исторической тематике в ходе работы театральных и кино-художников и декораторов.

Результаты диссертационного исследования имеют *теоретическое значение* для различных областей гуманитарного знания. Они содержат уточнения факторов эволюции и межэтнических контактов в различных сферах культуры населения Предкавказья скифского и раннесарматского периодов. Атрибуция предметов из погребальных комплексов смешанного населения позволяет историкам и археологам в ряде случаев по-новому трактовать отраженные в них этнокультурные процессы и политические события. Результаты анализа изобразительного и прикладного искусства и отраженных в них эстетических идеалов ряда древних этносов Северного Кавказа представляют интерес для искусствоведения и этнографии.

Апробация исследования.

Основные положения и выводы диссертации изложены в монографиях («Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э.», Ставрополь, 2005; «История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э.», Ставрополь, 1999), в серии статей в периодических изданиях «Российская археология», «Материалы и исследования по археологии России», «Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион», «Вестник Ставропольского государственного университета», «Донская археология», «Историко-археологический альманах», «Instrumentum».

Результаты исследования апробированы автором в ряде выступлений на конференциях различного уровня (18 международных; 5 всероссийских; 8 межрегиональных и региональных)⁹, в том числе на *международных* –

«XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа» (Нальчик – 2006 г.), Четвертая Кубанская конференция (Сочи - 2005 г.); научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова - XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа «Древний Кавказ: ретроспекция культур» - (Москва – 2004 г.); V научная конференция, посвященная 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина «Проблемы истории и археологии Украины» (Харьков – 2004 г.); XI научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века» (Ростов-на-Дону – 2003 г.); «Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее» (Москва - 2003); VIII Донская международная археологическая конференция «Проблемы археологии и этнической истории Дона и Северного Кавказа» (Ростов-на-Дону - 2002); X конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века» (Ростов-на-Дону – 2001 г.); Международная научная конференция XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Ессентуки-Кисловодск – 2002 г.); «Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.)» (Тирасполь – 2002 г.); «Исторична наука: проблеми розвитку» (Луганск – 2002 г.); Третья Кубанская археологическая конференция (Анапа – 2001 г.); научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына «Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии» (Саратов – Энгельс – 2000 г.); VI научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории» (Самара – 2000 г.); «XX юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа» (Железноводск – 1998 г.); научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения П.Д. Рау «Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей» (Саратов – 1997 г.); I конференция «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» (Пятигорск – 1996 г.); «Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX «Крупновские чтения» (Москва – 1996 г.).

Структура работы определяется степенью изученности темы, логикой исследования и поставленных проблем. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка используемых источников и литературы (т. 1) и приложений - альбома иллюстраций и их списка (т. 2).

⁹ Подробный список находится в тексте диссертации – стр. 18-20.

Список источников и литературы включает библиографические описания рукописных источников (полевых археологических отчетов, архивных документов и др.) и литературы. В списке иллюстраций содержится подробное описание привлекаемых материалов со ссылками на первоисточники. Иллюстрации представляют собой копии материалов различных авторов и аналитические сводные таблицы, составленные диссертантом.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении отмечена актуальность темы исследования, характеризуются его предмет и объект, формулируются цель и задачи, определяются хронологические рамки, методологическая, теоретическая и источниковая базы исследования, отмечаются научная новизна, практическая значимость и апробация работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава - «История изучения материальной и духовной культуры населения Центрального Предкавказья второй пол. I тыс. до н.э.» состоит из двух параграфов и посвящена историографическому анализу основных этапов историко-этнокультурного изучения народов региона скифского и раннесарматского периодов в отечественной и зарубежной науке.

Первые находки в Центральном Предкавказье предметов скифского времени относятся ко второй половине XIX в. Они происходят из грабительских раскопок курганов в окрестностях селений, либо связаны с исследованиями лиц, получивших специальные разрешения от Археологической комиссии (Эркерт, П. Федотов, Д.Я. Самоквасов, Г.Д. Филимонов, А.А. Бобринский, В.И. Долбежев, В.Ф. Миллер и др.). Большая коллекция вещей скифского времени из района рек Чегема и Баксана поступила в собрание известного венгерского коллекционера древностей графа Е. Зичи¹⁰. В это же время начинаются первые исследования в регионе памятников сарматского времени. Могильники раскапывались в степном Ставрополье, в районе Кавминвод и в предгорьях Предкавказья (раскопки В.Б. Антоновича, К.И. Ольшевского, А.М. Казбека, А.С. Уварова, П.С. Уваровой, Д. Самоквасова, А.А. Бобринского, В.И. Долбежева, С.А. Соловьева, И.А. Владимирова и др.).

Основным достижением начального периода (вторая пол. XIX – нач. XX в.) изучения скифских и сарматских древностей Центрального Предкавказья является создание первых фундаментальных трудов по археологии Северного Кавказа, в которых частично были обобщены известные к тому времени находки скифского и сарматского времени. Одновременно после открытия ряда могильников в горной Осетии в науку вошла кобанская археологическая культура. Однако систематизация этих древностей и исторический подход к ним оставались на очень низком уровне.

В 20-е годы начинается второй этап исследования материалов скифского и сарматского времени Предкавказья (до конца 50-х гг.). Расширяется источниковая база – открыты новые памятники в различных районах Центрального Предкавказья. После исследования могильников и фиксации бытовых памятников кобанской культуры в Кабардино-Балкарии, районе Кавказских Минеральных Вод и на Тереке появились основания видеть распространение кобанской культуры с гор в предгорья и на равнины (А.А. Иессен) и выделить ее отличительные признаки (Е.И. Крупнов). Систематизация кобанских древностей, исторический подход к ним, классификация их на более высоком уровне – несомненная заслуга советских археологов данного периода (А.А. Иессен, Б.Б. Пиотровский, Е.И. Крупнов, Б.А. Куфтин, А.П. Круглов, О.А. Артамонова-Полтавцева и др.). Предпринятые ими в свое время разработки классификации и хронологической периодизации памятников эпохи бронзы – раннего железа Кавказа, в том числе кобанской культуры, во многом остаются верными и по сей день.

Успехи исследований, как русских, так и зарубежных, в изучении истории и культуры скифов получили полное отражение в трудах М.И. Ростовцева. Его работы являются к тому

¹⁰ Ссылки на публикации указанных авторов содержатся в тексте диссертации – стр. 52-53.

времени и высшим достижением изучения истории савромато-сарматов. Позднее для всего савромато-сарматского материала была предложена четкая хронологическая периодизация (Б.Н. Граков). В довоенные годы были сделаны первые попытки обобщения накопленных материалов скифского времени Центрального Предкавказья (Пиотровский Б.Б.).

В послевоенные годы впервые погребения зубовско-воздвиженской группы были связаны с сираками, их погребальные комплексы выделены в зубовско-воздвиженский тип (этот термин употребляется и в настоящее время). Была намечена основная линия развития этнического сближения сираков и меотов, выявлено влияние меотской культуры в погребениях зубовско-воздвиженского типа (К.Ф. Смирнов).

Следующий этап (конец 50-х - начало 90-х гг. XX в.), характеризуется накоплением материалов, главным образом, в связи с новостроечными работами (открыто большинство скифских и сарматских могильников). В данный период появляется значительное количество монографий и статей, посвященных населению Предкавказья скифского и сарматского периодов. Следует отметить работы исследователей: Р.М. Мунчаева, Т.М. Минаевой, В.И. Марковина, И.М. Чеченова, В.Б. Виноградова, М.П. Абрамовой, В.Г. Петренко, В.М. Батчаева, Б.М. Керефова, А.А. Бурковой, С.Б. Буркова; С.Л. Дударева, С.В. Махортых; В.Е. Маслова, Т.А. Габуева, В.Р. Эрлиха и др.¹¹.

Одновременно издаются и фундаментальные труды, исследующие различные аспекты культуры местных народов эпохи раннего железного века. В ряде монографий результаты анализа сведений античных авторов, погребального обряда и инвентаря, этнографических материалов, использовались в качестве базы для реконструкции этнокультурных связей местных кочевых и оседлых племен (Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов, В.А. Кузнецов, В.Б. Ковалевская, В.Б. Виноградов, В.И. Козенкова, М.П. Абрамова, М.Н. Погребова, Д.С. Раевский, Б.В. Техов, Ю.С. Гаглойти, Б.М. Керефов, И.М. Чеченов, В.Ю. Мурзин, Т.А. Габуев, Ф.Х. Гутнов, С.В. Махортых и др.).

Резкое сокращение раскопочных работ наблюдается с 1991 г. Экономический кризис стал причиной урезания финансирования археологии. Целый регион Северного Кавказа выпал из поля зрения археологов из-за установления в Чечне «Дудаевского режима».

Современный этап в историографии раннего железного века начинается в начале 90-х гг. XX в. Он характеризуется ростом национального самосознания северокавказских народов. В связи с этим резко возросло количество научных конференций и публикуемых трудов, посвященных проблемам этногенеза; расширился круг проблем, начался пересмотр устаревших точек зрения и концепций. В методологическом плане в публикациях, посвященных истории и культуре региона, значительное внимание уделяется альтернативным концепциям, в частности цивилизационному подходу и др. Значительно улучшился доступ к информации благодаря Internet.

Использованную в работе литературу можно условно разделить на три группы.

К *первой* группе относятся труды, в которых рассматриваются проблемы, связанные с пребыванием скифов в Предкавказье. Большинство зарубежных ученых, интересующихся скифской проблематикой, как в более ранние годы, так и с 20-х годов XX в. по сей день продолжает обсуждать дискуссионные вопросы, связанные с изучением географических и этнографических свидетельств Геродота без учета археологических материалов (И. Харматта, Ж. Дюмезиль, Э. Бенвенист)¹². В том числе анализировались религиозные традиции скифов (Ж. Дюмезиль, А. Хулткрантц, А. Голан)¹³. В ряде публикаций зарубежных историков 20-х – 80 годов рассмотрены известные к тому времени скифские археологические памятники и данные письменных источников о скифах (М. Эберт, Т. Райс, И. Потрац, Г. Коте, Р. Ролле, З.

¹¹ Ссылки на работы указанных авторов содержатся в тексте диссертации – стр.26.

¹² Harmatta J. Quellenstudien zu der Skythika des Herodot. Budapest, 1941; Dumezil G. La prehistoire indo-iranienne de castes // Journal Asiatique. Paris, 1930; он же. L'ideologie tripartite des Indo-Europeen. Bruxelles, 1958; он же. La societe Scythique avant-elle des classes fonctionelles ? // Indo-Iranian Journal. Gravenhage, 1962; Benveniste E. Traditions indo – iraniennes sur les classes sociales // Journal Asiatique. Paris, 1938.

¹³ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976; Хулткрантц А. Кочевники степей // Религии мира. Минск: Белфакс, 1996; Голан А. Миф и символ. М.: РУССЛИТ, 1993.

Буковский и др.)¹⁴. Хотя археологические данные отражены далеко не полно. В настоящее время материалами скифской культуры из памятников Центральной и Восточной Европы занимаются Я. Хохоровский, Г. Парцингер и др.¹⁵. В некоторых работах рассматриваются взаимоотношения земледельческого населения Скифии и кочевников (Г. Коте, Т. Нунен).¹⁶. Публикации ряда исследователей посвящены анализу материалов раннескифских памятников и соотношению их с комплексами предскифского времени (Г. Коссак, Я. Хохоровский, Т. Кеменцей и др.)¹⁷.

За последние десятилетия в изучении скифских и скифоидных памятников Северного Кавказа (Предкавказья) был достигнут значительный прогресс. Предполагается, что именно в северокавказских степях находилось скифское царство Ишкуза¹⁸. Усиление внимания к древностям VII-VI вв. до н.э. в 70-90-е годы XX в. связано с открытием уникальных скифских могильников эпохи переднеазиатских походов (х. Красное Знамя, Новозаведенное I и II, Нартан и др.). В связи с этим, подавляющая часть публикаций посвящена хронологии раннескифских памятников и их соотношению с комплексами предскифского времени (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., Петренко В.Г. с соавторами, Дударев С.Л., Кореняко В.А., Медведская И.Н., Грантовский Э.В., Погребова М.Н., Раевский Д.С., Иванчик А.И., Членова Н.Л., Мошкова М.Г., Эрлих В.Р. и др.).

В последние годы появились статьи об отдельных категориях вещей, характерных для скифских памятников Центрального Предкавказья: о керамике, сосудах из рога, предметах вооружения, деталях конского убора и других предметах¹⁹. Также изучались каменные изваяния скифского времени, открытые на территории Центрального Предкавказья²⁰.

Социальной истории протоаланских племен (скифов, саков, массагетов и др.) посвятил часть своей монографии Ф.Х. Гутнов. Автор рассматривает значение вождей и царей, мужские союзы, формирование дружин у этих племен²¹. Исследования скифского искусства «звериного стиля» направлены на выяснение его генезиса, локальных особенностей и семантики. В частности, установлено, что Прикубанский локальный вариант звериного стиля несет на себе

¹⁴ Ebert M. Südrussland im Altertum. Bonn; Leipzig, 1921; Rice T.T. The Scythians. L., 1957; Potratz J.A.H. Die Skythen in Südrubland. Basel, 1963; Kothe H. Die Königlichen Skythen und ihre blinden Knechte // Veröff Inst. Orientsforsch. 69, 1968; он же. Der Skythenbegriff bei Herodot // Klio. 1969. 51; Rolle R. Die Welt der Skythen. Luzern, Frankfurt a. M., 1980.

¹⁵ Мелюкова А.И. К вопросу о восточноевропейских кочевниках на территории Средней Европы в начале железного века // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Тез. докл. межд. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. М., 1999. С. 90-91.

¹⁶ Kothe H. Die Königlichen Skythen und ihre blinden Knechte // Veröff Inst. Orientsforsch. 69, 1968; он же. Der Skythenbegriff bei Herodot // Klio. 1969. 51; Noonan T. What can Archaeology tell us about the Economy of Khazaria // The Archaeology of the Steppes methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9-12 November 1992. Napoli, 1994, P. 343.

¹⁷ Kossack G. Neufunde aus dem Novotscherkassker Formenkreis und ihre Bedeutung für die Geschichte steppenbezogener Reitervölker der später Bronzezeit // Il mar Nero. Annali di archeologia e storia. I. Roma-Paris 1994; Chochorowski J. S.L. Dudarew. Is istorii sujazei naselenija Kavkasa s kimmerijsko-skijskim mirom (Groznyi, 1991) // Acta archaeological Carpathica. T.XXXII. Krakow. 1993-1994; Kemenczei T. Zur Deutung der endbronze- und früheisenzeitlichen Depotfunde Ungarns // Regensburger beitrage zur prähistorischen archäologie. Band II. Regensburg, 1996.

¹⁸ Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. О локализации «царства Ишкуза» // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: тез. докл. обл. конф., посвященной 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. Запорожье, 1980. С. 154-167.

¹⁹ Маслов В.Е. Керамика Краснознаменского могильника // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Кисловодск, 1994. С. 31-32; Петренко В.Г., Маслов В.Е. Роговые блюда могильника Новозаведенное - II // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову. Архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 250-259; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова Думка, 1991.; Дударев С.Л. О происхождении биметаллических чеканов из Малой Азии // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994. С. 13-15; Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы: (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 24. С. 54; Петренко В.Г. Конская упряжь у скифских племен Ставрополя в VII-VI вв. до н. э. // Тез. докл. XIII Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1984.

²⁰ Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. 1964. № 1. С. 158-159; Махортых С.В. Об ичкеринских скифоидных стелах // Археология и краеведение – Вузу и школе. Грозный, 1981. С. 29-30; Багаев М.Х. Новые каменные изваяния воинов из Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 128-130; Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С. 158-177; Соломатина Н.В. Два новых изваяния скифского времени из Ставропольского музея // ИАА. Армавир-Москва, 1995. Вып. 1. С. 102-110; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. М., 1994. С. 161 сл.; Атабиев Б.Х. Изваяния ранних кочевников из Кабардино-Балкарии // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Сб. ст. М., 2000. С. 181 сл.

²¹ Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001. С. 152-198.

следы влияния искусства Передней Азии, Греции, Фракии, Кавказа. Предполагается, что формирование репертуара скифского искусства происходило путем «отбора» и заимствования инокультурных образов и сюжетов, в том числе и из эллинского искусства²².

Хотя накоплен значительный материал скифского времени, публикации посвященные периоду V - IV вв. до н.э. единичны²³.

Ко второй группе литературы, посвященной населению Центрального Предкавказья второй половины I тыс. до н.э., относятся монографии и статьи, посвященные культуре позднекобанских племен.

Вопросам хронологии кобанской культуры уделялось большое внимание со стороны как отечественных, так и зарубежных ученых²⁴. Хронологические периодизации культуры Центрального Кавказа на основе новейших материалов Тлийского могильника разработаны В.Б. Теховым и Г. Коссаком²⁵. Для позднекобанских древностей горной части Центрального Кавказа, частично соответствующих III этапу по Е.И. Крупнову, периодизация создана Е.П. Алексеевой²⁶. В этой периодизации выделены позднекобанский 1-й период (VI-III вв. до н.э.) и позднекобанский 2-й период (II в. до н.э. - III в. н.э.).

Неоднократно предпринимались попытки локального членения кобанских древностей (А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, В.Б. Виноградов, И.М. Чеченов). По мнению В.И. Козенковой, украшения и керамика в комплексе с типами погребальных сооружений и чертами погребального обряда зримо демонстрируют выделение в древностях кобанской культуры в целом трех вариантов: центрального, западного и восточного. Также, автор большое внимание уделила вопросам культурно-исторических процессов на Северном Кавказе в раннем железном веке и хронологии кобанской культуры²⁷. По мнению В.И. Козенковой, последний этап существования кобанской культуры – кобан IV определяется концом первой половины – серединой VII в. до н.э., а самая поздняя граница – началом IV в. до н.э. Как считает автор, в этом периоде выделяются 2 этапа. Этап кобан IVа датируется серединой VII – второй половиной V в. до н.э. К этапу кобан IVб относятся памятники второй половины V – начала IV в. до н.э. Этап характеризуется стабильным характером культуры. Речь идет о многообразии связей, основанных на вооруженном нейтралитете. Этнические смешения привели через 2-3 поколения к растворению скифского компонента в местной среде.

В 80-90-е годы появился ряд публикаций, посвященных памятникам кобанской культуры V-IV вв. до н.э., в том числе поселениям²⁸. Следует отметить исследования,

²² Переводчикова Е.В. Прикубанский вариант скифского звериного стиля. Дис. канд. ист. наук. М., 1980. С. 20; Раевский Д.С. Антропоморфные и зооморфные мотивы в репертуаре раннескифского искусства: (к анализу предпосылок сложения скифского звериного стиля) // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 23. С. 8-15; Онайко Н.А. О воздействии греческого искусства на меотско-скифский звериный стиль // СА. 1976. № 3; Канторович А.Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной полосы // МИАР. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. Вып. 1. С. 97-110.

²³ Белинский А.Б., Ольховский В.С. Комплекс скифских изваяний со Ставрополя // ИАА. Армавир-Москва, 1996. Вып. 2. С. 59-61; Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А. Об общих элементах в культуре нижневолжских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI – начале IV вв. до н. э. // Труды ГИМ. Вып. 97. Степь и Кавказ (культурные традиции). М., 1997. С. 62-75; Абрамова М.П. О некоторых античных традициях в культуре северокавказских племен // Материалы и исследования по археологии России (МИАР). Вып. 3. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001.

²⁴ Крупнов Е.И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. 1969. № 1. С. 16.

²⁵ Техов В.Б. Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы – раннего железа Центрального Кавказа // СА. 1972. № 3. С. 18-37; Kossak G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des Skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Band. 5. Bonn, 1983. S.157.

²⁶ Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1949. Т. 85. С. 191.

²⁷ Козенкова Е.И. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. 2-5. М., 1977; она же. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. // САИ. В 2-5, т. 2. М., 1982; она же. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В 2-5. Т. 3. М., 1989; она же. Оружие, воинское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) западный вариант // САИ. Вып. 2-5. М., 1995; она же. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. Б 2-5. М., 1998; она же. Исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996 и др.

²⁸ Кудрявцев А.А. Северокавказский город: проблемы возникновения и развития (по материалам Татарского городища) // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Кисловодск, 2000. С. 71-72; Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы и исследования по археологии Ставропольского края. Вып.15-16. Ставрополь, 1988. С. 253-257.

посвященные керамике скифского периода (в том числе V-IV вв. до н.э.)²⁹. В ряде статей анализируются некоторые категории украшений из памятников V-IV вв. до н.э.: браслеты, поясные пряжки, бусы и др.³⁰. Также, исследуются культовые сооружения³¹.

Древностям кобанской культуры горной Дигории VII-IV вв. до н.э. посвящена диссертация канд. ист. наук А.П. Мошинского. Отмечается интенсивное развитие материальной жизни племен Дигории в позднекобанскую эпоху. Как считает автор, динамика развития материальной культуры и социальных отношений находились в непосредственной зависимости как от прогресса в местном ремесленном производстве, так и от внешних связей, менявшихся в соответствии с ситуацией в предгорной зоне³².

Ряд публикаций посвящен характеру взаимоотношений кобанских племен и скифов. Большинство исследователей отмечают, с одной стороны, сокращение большинства скифских памятников в Предкавказье вплоть до их полного исчезновения в IV в. до н.э.³³, а с другой – ослабление связей скифского мира с Кавказом с середины V в. до н.э. опять же вплоть до их практически полного исчезновения в начале IV в. до н.э.³⁴. В то же время существует и допущение об этнической трансформации части скифских племен в Предкавказье и образование в результате этого процесса новой этнической общности³⁵. В.Г. Петренко на материалах Нартанского скифского могильника в комплексах конца VI – V вв. до н.э. фиксирует усиливающееся влияние кобанской культуры³⁶.

М.П. Абрамова, исследуя особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья, отметила и своеобразные черты, характерные для скифского времени, в том числе V в. до н.э. – центральных районах Северного Кавказа влияние культуры скифов распространяется в первую очередь на культуру местного населения Ставрополя и Кабарды. Исследователями отмечена этническая трансформация части скифского этноса Предкавказья и образования в результате этого процесса новой этнической общности³⁷.

Согласно концепции В.Б. Виноградова и Я.Б. Березина, в конце VII – начале VI вв. до н.э. какая-то племенная группа (состав этнически пестрый) участвовавшая в переднеазиатских походах скифов при возвращении закрепились у предгорий, в центре Предкавказья. Дальнейшее этническое развитие этой группы шло за счет включения в свой состав и «переработки» как выходцев из кобанских племен, так и савроматских групп, существовавших

²⁹ Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. Б 2-5. М., 1998. С. 89-107; Маслов В.Е. Керамика Краснознаменского могильника // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Кисловодск, 1997; Найдено А.В., Прокопенко Ю.А., Деопик Д.В. Керамика Грушевского городища (предварительная публикация) // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 2. С. 28-57.

³⁰ Журавлев Д.В., Мошинский А.П. Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии // РА. 1994. № 1; Мاستыкова А.В., Мошинский А.П. Стекланные бусы могильника Гастон Уота // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения») (Москва, апрель 1996 г.). Тез. докл. М., 1996; Мошинский А.П. Закавказская золотая серьга из Дигории // XX юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докл.) Железноводск, 1998 г. Ставрополь, 1998, С. 92-93; он же. Браслеты из могильника Гастон Уота (Северная Осетия) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 136-152; Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен... и др.

³¹ Охонько Н.А. Указ. соч.; Мошинский А.П. Жертвенник кобанского могильника Гастон Уота // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988. С. 86 сл.; Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Культы кобанского населения Сауар // МИАР. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сб. ст. Вып. 3. М., 2001. С. 86.

³² Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII-IV вв. до н.э.: систематизация и хронология. Авт. дисс... канд. ист. наук. М., 2004. С. 18.

³³ Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука 1986. С. 172; Махортых С.В. Указ. соч. С. 112; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. М., 1994. С. 45.

³⁴ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII – IV вв. до н.э. Киев: Наукова Думка, 1983. С. 40, 72; Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985. С. 136.

³⁵ Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. М., 1994. С. 45.

³⁶ Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С.220-223.

³⁷ Абрамова М.П. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. 1992. № 2 С. 22-23; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния... С. 45; Мошинский А.П. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами // РА. 1997. № 3. С. 33.

здесь в VI-V вв. до н.э. В результате вырастает новый этносоциальный организм, имеющий двуединую ирано-кобанскую основу. Исследователи его называют пра- или предаланским³⁸.

С.Л. Дударев, подчеркивая основные черты материальной культуры местных племен в скифский период, отмечает и этнокультурное взаимодействие скифо-савроматских и коренных обитателей региона в VII-IV вв. до н.э. По его мнению, с рубежа VI-V вв. до н.э. вплоть до конца IV в. до н.э. на фоне контактов с Северным Причерноморьем резко усиливаются взаимные связи с племенами лесостепной Скифии, Среднего Дона и, главным образом, с савроматами Прикаспия, а через их посредничество – с оседлым и кочевым населением Волго-Камья и Южного Приуралья³⁹.

В специальной статье А.П. Мошинского подвергается сомнению тезис В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева о сокращении роли всадничества у аборигенов, связанном с потерей ими равнинной плоскости. Напротив, как считает исследователь, одним из проявлений социальной дифференциации в конце V – начале IV в. до н.э. стало возрастание всадничества и повышение его престижности⁴⁰.

Искусство кобанских племен, также, является предметом многочисленных исследований. В большей степени изучаются мелкая пластика и графическое искусство⁴¹. В последние годы появились публикации, посвященные предкавказским особенностям звериного стиля⁴². В ряде исследований интерпретируется отраженная в Нартовском эпосе скифская мифо-географическая традиция⁴³. Исследованиями Ю. Клапрота, В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Э. Бенвениста, Г. Бейли и других иранистов показана генетическая преемственность языка современных осетин от языков древних иранцев-алан, сарматов и скифов⁴⁴. В этом огромный интерес осетинской истории, языка, фольклора, некоторых этнографических традиций для современной науки, использующей арсенал «осетинских древностей» в качестве уникального источника по проблемам древних иранцев, в том числе скифов и сарматов⁴⁵.

В третью группу интересующей нас литературы следует отнести публикации, посвященные анализу различных аспектов культуры сарматских племен Предкавказья и характеру их связей с автохтонами.

В 80-90-е годы вышли в свет работы, обобщающие достижения сарматской археологии за весь предыдущий период (Смирнов К.Ф., 1984 и др.). Материалы по отдельным крупным регионам исторического проживания сарматов представлены в работах М.Г. Мошковой, В.Е. Максименко, В.П. Шилова, А.Х. Пшеничнюка, А.С. Скрипкина, Б.Ф. Железчикова, А.П. Медведева, Л.С. Ильюкова и В.М. Власкина, А.В. Симоненко, М.Б. Щукина, И.И. Марченко,

³⁸ Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 30-32.

³⁹ Дударев С.Л. Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С. 44-57.

⁴⁰ Мошинский А.П. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами // РА. 1997. № 3. С. 33-42.

⁴¹ Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984; Марковин В.И. Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986; Техов Б.В. Кобанотлийское графическое искусство. Владикавказ – Цхинвал, 2001; Кривицкий В.В. Бронзовый предмет с изображением двух животных из Казбекского клада из собрания Эрмитажа // Изв. ЮОНИИ. Вып. XXX. Цхинвали, 1986; Скаков А.Ю. Некоторые редкие мотивы кобано-колхидского графического искусства // Мировоззрение древнего поселения Евразии. М., 2001 и др.

⁴² Виноградов В.Б. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 147-152; Абрамова М.П. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV – II вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 102; Королькова Е.Ф. О возможной атрибуции Ставропольского (Казинского) клада как памятника скифской эпохи // АСГЭ. Вып. 32. СПб., 1995; Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А. Об общих элементах в культуре нижневожских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI – начале IV вв. до н. э. // Труды ГИМ. Вып. 97. Степь и Кавказ (культурные традиции). М., 1997. С. 68-70; Мошинский А.П., Переводчикова Е.В. Скифский «звериный» стиль в кобанских могильниках Дигории // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тез. докл. VII Донской арх. конф.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 109-110; Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ: Иростон, 2002.

⁴³ Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир., 1980; Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992; Басилов В.Н. Смерть Салыр-Газана (среднеазиатско-кавказские параллели) // ЭО. 1997. № 2. С. 47 сл.; Иваненко А.Е. Историческая информативность осетинского нартского эпоса (скифо-сарматский период) Авт. дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2000; Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартский эпос осетин. Владикавказ, 2001.

⁴⁴ Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки, М. 1979. С. 70.

⁴⁵ Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание. Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Владикавказ, 2000. С. 89.

В.М., Клепикова, А.Н. Дзиговского⁴⁶ и др. В монографии А.А. Туаллагова в хронологической последовательности реконструируются исторические процессы, происходившие в среде ираноязычных номадов степной зоны Евразии⁴⁷. В ряде публикаций были обобщены сведения о сарматах из литературных и эпиграфических источников⁴⁸.

Начало нового этапа в изучении истории сарматов в Прикубанье положено публикацией в 1952 г. статьи К.Ф. Смирнова «Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья». Автор, впервые связал погребения зубовско-воздвиженской группы с сираками, а также наметил основную линию развития этнического сближения сираков и меотов.

В послевоенный период материалы сарматского времени горных районов Центрального Предкавказья были исследованы Е.П. Алексеевой, которая убедительно показала принадлежность их племенам кобанской культуры на позднем ее этапе⁴⁹.

В 1963 г. была опубликована монография В.Б. Виноградова, в которой автор впервые обобщил все материалы сарматского времени с территории Северо-Восточного Кавказа. Согласно его концепции, в III-I вв. до н.э. на территории Терско-Сунжеского междуречья господствовал сиракский союз племен, где сираки обитали вместе с местными племенами (по автору) - набианами и панксанами Страбона, попавшими под влияние сарматов и воспринявшими их культуру⁵⁰.

Следует отметить, что в 60-70 гг. было сделано несколько попыток обобщения сарматских памятников Предкавказья. Общим недостатком таких публикаций является узколокальность исследуемого региона. Это могильники на территории Кабардино-Балкарии и незначительное число памятников, открытых в прилегающих районах Северной Осетии и Карачаево-Черкессии⁵¹.

В середине 60-х гг. выходит книга Ю.С. Гаглойти, посвященная этногенезу осетин, в которой рассматриваются политические события сарматского времени и этническая история населения Северного Кавказа. Автор, строя свою работу на основе анализа письменных источников, приходит к выводу о более раннем, чем в I в. н.э., появлении алан на Северном Кавказе. По его мнению, в последних веках до н.э. в Предкавказье господствовал союз племени аорсов, внутри которого проходило формирование алан⁵².

В 1971 г. на конференции, посвященной проблеме аланской археологической культуры в докладе К.Ф. Смирнова было отмечено хронологическое совпадение появления катакомб на Северном Кавказе с приходом сарматских племен. Картографирование сарматских катакомб позволило ему предположить, что они были наиболее характерны для погребального обряда аорсов⁵³. О сарматских истоках катакомбного обряда погребений на Кавказе говорится в монографии В.А. Кузнецова и в работах Е.П. Алексеевой и Т.М. Минаевой⁵⁴.

⁴⁶ Ссылки на работы данных исследователей содержатся в тексте диссертации – стр.41.

⁴⁷ Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в. н.э. Владикавказ, 2001.

⁴⁸ Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Л., 1971; № 13; Bosi F. (Бози Ф.). Письменные источники о сарматах IV-I вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура. М., 1986; он же. The Nomads of Eurasia in Strabo // The Archaeology of Steppes – Methods and Strategies. Napoli, 1994; Мошкова М.Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 153-158; Максименко В.Е. Сарматы на Дону... С. 11-29 и др.

⁴⁹ Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Учен. зап. ЛГУ. Л. 1949. Т. 85. (сер. ист. наук. Вып.13).

⁵⁰ Виноградов В.Б. Сарматы... С. 107, 125, 158, 159.

⁵¹ Виноградов В.Б. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии // Уч. зап. КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. XXV; Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969; Кереев Б.М. Памятники племен Центрального Предкавказья // Ученые записки КБНИИ. Т. XXVI. Нальчик, 1974.

⁵² Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Цхинвали, 1966. С. 90-100.

⁵³ Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. №1. С. 75-77.

⁵⁴ Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. Вып. 106. С. 13; Алексеева Е.П. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкессии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. (Сер. ист.). Ставрополь, 1966. Вып.V. С. 200-201; Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

Однако следует отметить мнение К.Ф. Смирнова, что катакомбы типа I (камера перпендикулярна длинной оси входной ямы), наиболее характерные для Центрального Предкавказья, не могут быть связаны с сарматами, и появление их на Кавказе должно быть объяснено, по мысли автора, другими причинами; возможна их связь с земляными склепами Прикубанья и Боспора⁵⁵. М.П. Абрамова также подчеркнула сходство ранних северокавказских катакомб с земляными склепами оседлого населения Тамани и Крыма⁵⁶.

В.Б. Виноградов и Я.Б. Березин выделили три хронологические группы катакомб сарматского времени на Кавказе. К ранней группе были отнесены впускные подкурганые катакомбы, которые датируются авторами II в. до н.э. – IV в. н.э. Во вторую группу объединены катакомбы грунтовых могильников, а к поздней группе (II-IV вв. н.э.) отнесены основные подкурганые катакомбы. Авторы отмечают общие истоки катакомб всех трех групп, связывая появление катакомб ранней группы с традициями кочевников скифо-сарматского круга и рассматривая их как предкавказскую периферию катакомб сарматских степей⁵⁷.

Две точки зрения существуют по поводу появления в Центральном Предкавказье традиции строительства склеповых сооружений. А.Б. Белинский и Н.Е. Берлизов отмечают близость их конструкции к погребальным памятникам скифов Ставрополья и Северного Причерноморья, в частности Крыма. Исходя из этого, авторы их строительство связывают с миграциями скифов из Крыма⁵⁸. Сходно с данной точкой зрения предположение, что склепы возводились племенами по облику и культуре близкими к скифам, но перешедшими к оседлому образу жизни, считая этот обычай традиционно скифским⁵⁹.

Согласно другой точке зрения, их распространение связано с усилением в это время влияния Боспора на соседние к востоку земли. По предположению М.П. Абрамовой в Центральном Предкавказье, так же как и в Прикубанье, местное население (его знать), испытывало влияние боспорских традиций. С этим связано распространение здесь курганных могильников знати и склеповых сооружений⁶⁰. С данным мнением согласен В.Х. Тменов⁶¹.

В ряде публикаций М.П. Абрамовой был отмечен смешанный характер населения предгорной зоны, доступной для проникновения и оседания кочевников, которые не жили изолированно среди местного населения, а смешивались с ним⁶². Близкой точки зрения придерживается Т.А. Габуев. В частности автор отметил смешанный состав населения, указывая на наличие здесь и местных кавказских и пришлых ираноязычных групп⁶³.

Б.М. Кереев наметил два этапа проникновения сарматских племен на территорию Центрального Предкавказья: I этап – сарматский (III в. до н.э. – рубеж нашей эры) и II этап – раннеаланский (I-IV вв. н.э.). Исследователь связывает появление катакомбного обряда на

⁵⁵ Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. №1. С. 78-80.

⁵⁶ Абрамова М.П. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1. С. 76-81; Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. Ч. 2. С. 9-19, 39.

⁵⁷ Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 47, 56.

⁵⁸ Белинский А.Б. К вопросу о культурной принадлежности склеповых сооружений раннего железного века на Ставропольской возвышенности // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Ставрополь, 1990. С. 31-32; Берлизов Н.Е. Аланы-скифы // ИАА. Армавир-Москва, 1996. Вып. 1. С. 113-115.

⁵⁹ Кудрявцев А.А., Охонько Н.А., Кудрявцев Е.А. К этно-культурной интерпретации Татарского городища раннего железного века // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южнорусских степей. Мат. межд. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897-1997), г. Энгельс, Саратовской обл., 12-17 мая 1997 г. Саратов, 1997. С. 31.

⁶⁰ Абрамова М.П. О некоторых античных традициях... С. 129.

⁶¹ Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996. С. 116.

⁶² Абрамова М.П. О выделении локальных вариантов в культуре скифо-сарматского времени центральных районов Северного Кавказа // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Майкоп. 1984. С. 58-59; она же. Некоторые особенности погребений III-I вв. до н.э. предгорной зоны Центрального Предкавказья // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 177-178, 181.

⁶³ Габуев Т.А. История племен центральных районов Северного Кавказа в I-VII вв. н. э. (по данным погребального обряда): Авт. дис... канд. ист. наук. М., 1986, С. 8, 18-20.

Кавказе с притоком каких-то группировок аорской конфедерации племен. Истоки этого обряда следует, по мнению Б.М. Керефова, искать у населения Азии⁶⁴.

В.А. Петренко в своей диссертации и в последующих публикациях рассматривает памятники Чечено-Ингушетии. Все известные комплексы автор отнес к трем группам. В первую группу вошли подкурганые погребения и все катакомбные могилы, как грунтовые, так и подкурганые, оставленные непосредственно сарматами. Вторую группу составляют погребения Ханкальских могильников, связываемые автором с местным сарматизированным населением. К третьей группе относятся памятники горцев Юго-восточной Чечни⁶⁵.

Согласно точке зрения, высказанной В.А. Коренько совместно с А.В. Найденко, при рассмотрении контактов сарматских племен с северокавказским оседлым населением необходимо говорить не только о влиянии и проникновении степного населения в Предкавказье, но и обратном влиянии северокавказских традиций на культуру кочевых племен⁶⁶.

В.А. Кузнецов факт присутствия сарматов в регионе называет вторым этапом иранизации Предкавказья. На этом этапе связи горных племен с савроматами и сарматами остаются в рамках маргинального контактирования. Другое – внутрорегиональное контактирование происходит на территории преимущественно Кабардино-Пятигорья и далее на запад. Как считает исследователь, процесс внутрорегионального контактирования и этнического смешения-миксации в районах прилегающих к Центральному Предкавказью с запада положил начало формированию интегрированной из субстрата новой этнической общности – синкретического этнического новообразования⁶⁷. Ф.Х. Гутнов скифов и сарматов называет протоаланами. По версии автора, на основе синтеза в равнинной и предгорной контактных зонах складывались принципиально новые этнообразования, связанные с переходом части сарматов к оседлости. По мнению автора, сарматы Предкавказья, переходя к стабильному кочеванию на землях, находившихся в сфере влияния оседлых племен, успешно осваивали отдельные элементы их культуры, утрачивая некоторые свои⁶⁸. В целом, следует отметить, что точки зрения В.А. Кузнецова и Ф.Х. Гутнова фактически сближаются с концепцией М.П. Абрамовой.

В 1986 г. была опубликована статья Т.М. Мирошиной, посвященная анализу материалов из раскопок в степном Ставрополье сарматских погребений⁶⁹. Однако, слишком общий характер публикации, незначительность приводимых данных, не позволяют считать ее основополагающей для дальнейших исследований.

В осмыслении материалов сарматского времени из памятников Центрального Предкавказья в 70-90-е годы XX в. и в начале XXI в. особенно плодотворной является деятельность М.П. Абрамовой. Она решала вопросы развития сарматской культуры, ее происхождения, дробной хронологии, общественного строя, культурных, экономических связей, религиозных представлений, взаимоотношений с соседями, этнической истории и др.⁷⁰.

⁶⁴ Керефов Б.М. К вопросу о сарматизации племен Центральной части Северного Кавказа (I этап) // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. С. 60, 67-68; он же. Чегемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 2. Нальчик. С. 220, 224-226.

⁶⁵ Петренко В.А. Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) из могильников Юго-Восточной Чечни // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 33.

⁶⁶ Коренько В.А., Найденко А.В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Темузловке (Ставропольский край) // СА. 1977. № 3. С. 230-247.

⁶⁷ Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // МИАР. Вып. 1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. С. 155-158.

⁶⁸ Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001. С. 58.

⁶⁹ Мирошина Т.В. Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией // СА. № 2. 1986. С. 170.

⁷⁰ Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2; она же. Катакомбные и склеповые сооружения...; она же. О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джулатского могильника // КСИА. М., 1983. Вып. 176; она же. Некоторые особенности погребений III-I вв. до н.э. предгорной зоны Центрального Предкавказья // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986; она же. Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988; она же. Центральное Предкавказье в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989; она же. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья...; Некоторые особенности

О керамике сарматского периода Центрального Предкавказья также писали: В.А. Петренко, Б.М. Керевов, Я.Б. Березин, А.В. Найденко, Д.В. Деопик и др.⁷¹. Изучением мечей и зеркал сарматского времени из памятников региона занимались В.Б. Виноградов, В.А. Петренко и Т.М. Кузнецова⁷². Ряд публикаций посвящен шлемам из памятников Центрального Предкавказья III-I вв. до н.э.⁷³. Импорты, в том числе украшения, из памятников региона раннесарматского времени детально анализировались Б.А. Раевым, В.А. Петренко, В.Е. Еременко⁷⁴.

Очень важная работа по установлению хронологии прикубанских материалов проделана И.И. Марченко. Некоторые замечания, касающиеся материалов из сарматских памятников Прикубанья и их анализа, содержатся в работах М.Б. Шукина, А.С. Скрипкина, Н.Ф. Шевченко⁷⁵ и др. В ряде статей и в диссертации С.А. Яценко были отмечены отдельные характерные черты социальной структуры сираков Прикубанья, а также особенности искусства и одежды сарматских племен⁷⁶.

Материалы из памятников Дагестана сарматского периода в разное время являлись предметом изучения в публикациях Е.И. Крупнова, К.Ф. Смирнова, М.П. Абрамовой; В.И. Марковина, А.И. Абакарова и О.М. Давудова⁷⁷ и др. Также следует отметить публикации А.А. Кудрявцева и М.С. Гаджиева, в которых прослеживаются торговые и политические связи населения (в том числе сарматского) Северо-Восточного Кавказа с античными центрами⁷⁸.

Несмотря на успехи исследователей в изучении культур раннего железного века Северного Кавказа, следует отметить отсутствие специальных работ, посвященных позднескифскому и раннесарматскому периодам, в которых бы комплексно анализировались материалы могильников (всех типов погребений) и поселений. Слабое освещение в научной литературе периода V-IV вв. до н.э. объясняется увлеченностью скифологов проблемами раннескифского периода и недостаточным вниманием к интерпретации позднескифских

взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. 1992. № 2; она же. Центральное Предкавказье в сарматское время... и др.

⁷¹ Петренко В.А. Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке // СА. 1980. №1; он же. Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) из могильников Юго-Восточной Чечни // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986; Керевов Б.М. О культовых сосудах Северного Кавказа сарматского времени // Этнография и современность. Нальчик, 1984; Деопик Д.В. Керамика Центрального Предкавказья I-IV вв. н.э. по материалам городища Зилги // Материальная культура Востока. Ч. II. М., 1988; Березин Я.Б. О керамике Чапаевского поселения сарматского времени // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Кисловодск. 1994. С. 43-44; Найденко Н.А., Прокопенко Ю.А., Деопик Д.В. Керамика Грушевского городища (предварительная публикация) // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь. 1998. Вып. 2. С. 28-57.

⁷² Петренко В.А. Еще раз о клинках с серповидным навершием из могильников сарматской эпохи Центрального Кавказа // III Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докл. и сообщ.). Грозный, 1973; Виноградов В.Б., Петренко В.А. К происхождению сарматских зеркал-подвесок // Краткие сведения института археологии (КСИА). М., 1977. Вып.148; Кузнецова Т.М. Зеркала из сарматских погребений Ставрополя // КСИА. М., 1980. Вып. 162.

⁷³ Павлович Г.А. Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края // РА. 1995; № 3; Савенко С.А. Бронзовый шлем типа «Montefortino» из фондов Кисловодского музея // Античная цивилизация и варварский мир (материалы 6-го археологического семинара). Краснодар. 1998. Ч. 1; Туаллагов А.А. Две новые находки импортных шлемов из Центрального Предкавказья // Материалы 8-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2002.

⁷⁴ Раев Б.А. Северо-кавказские древности римского времени в коллекции музея Грузии (Тбилиси) (о времени и путях проникновения ранних алан на Северный Кавказ) // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время (тез. конф. 30-31 мая 2000 года). Пятигорск, 2000. С. 197-199; Петренко В.А. Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) из могильников Юго-Восточной Чечни // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986; Еременко В.Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III-I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб., 1997.

⁷⁵ Шукин М.Б. Некоторые замечания к хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблема ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. I. Новочеркасск, 1992; Скрипкин А.С. К проблеме генетической преемственности савроматов и сарматов // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Сб. науч. тр. Краснодар, 1988. С. 29-30; Шевченко Н.Ф. Сираки и аорсы в степном Прикубанье // РА. 2003. № 1 и др.

⁷⁶ Яценко С.А. Сиракский союз в Прикубанье (проблемы увязки археологических и письменных источников) // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991; Некоторые культовые сюжеты в искусстве сарматов Северного Кавказа I в. до н.э. – I в. н.э. // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Мат. конф. (отв. редак. Ю.Ю. Пиотровский). СПб., 1996 и др.

⁷⁷ Ссылки на публикации отмеченных исследований содержатся в тексте диссертации – стр.51.

⁷⁸ Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982; Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997.

древностей. Пока речь идет только о некоторых более или менее изученных памятниках, либо отдельных типологически разработанных категориях предметов материальной культуры, которые в силу разрозненности публикаций не создают полной картины характера культуры и связей племен Предкавказья V-IV вв. до н.э.

В настоящее время оформилось целое направление историографии, посвященное этнокультурным связям местного населения. В большей степени в публикациях рассматриваются этнические процессы в регионе. Однако, в качестве доказательств этих контактов (внутрирегиональное контактирование, миксация) использовались материалы единичных памятников, либо комплексов одной культурной принадлежности, либо одного хронологического периода (скифского или сарматского). В значительно меньшей степени исследованы культурные связи оседлых и кочевых племен Центрального Предкавказья (идеологические, технологические, костюмные контакты, экономические связи).

Вторая глава «Система жизнеобеспечения поселений и городищ Центрального Предкавказья второй пол. I тыс. до н.э. (традиции и инновации)» состоит из пяти параграфов.

Первый параграф: - «*Фортификационные сооружения городищ*». Опасность со стороны степей вынуждала автохтонов возводить фортификационные сооружения. Изученные укрепления поселений Центрального Предкавказья условно можно разделить на четыре группы: городища с каменными стенами, каменно-земляными валами и с системой рвов, памятники с эскарпированием и террасированием склонов и башнеобразные сооружения. Также выделяются комбинированные памятники, имеющие валообразные укрепления с надстройкой поверху каменных стен (Бредихинское и Томузловское городища). Кроме валов и стен в фортификацию городищ дополнительно включался ров (или система из двух рвов).

В систему жизнеобеспечения поселений исследованного периода также входили источники воды. Как правило, все поселки располагались на берегах рек и ручьев. Самые крупные поселения скифского времени на Ставропольском плато занимали выгодные ключевые позиции на высотах, в верховьях рек. На периферии располагались небольшие неукрепленные поселения, занимающие, как правило, левый берег речки от верховий до среднего течения. При выборе места предпочтение отдавалось участкам берега, дополнительно прикрытым балочкой или ложиной (например, верховья р. Развилки и р. Горькой).

Второй параграф посвящен *жилищам второй половины I тыс. до н.э.* Поселения второй пол. I тыс. до н.э. состояли из турлучных или каменных жилищ. В горных районах господствовало каменное строительство (сооружение каменных домов было связано с глубокой горно-кавказской традицией. Дома сооружались из крупных, положенных насухо камней, или из двух рядов камня (внутреннего и внешнего панциря), пространство между которыми было заполнено землей и мелким камнем. Основным несущим элементом конструкции являлись столбы, примыкавшие к стене изнутри. Строения, как правило, состояли из двух отделений: жилого и хозяйственного.

В предгорно-равнинной зоне преобладали турлучные жилища, генезис которых восходит к равнинно-степным архетипам. Это наземные дома овальной или прямоугольной формы, сооружавшиеся с использованием камня и плетеного деревянного каркаса с глиняной обмазкой. Углы турлучных стен крепились столбами, а центральные подпорные столбы, углубленные в материке, поддерживали двускатные камышовые кровли. Пол был глинобитный. Стены иногда подвергались побелке (Нижний Чегем). При исследовании Ханкальского 2-го городища были открыты следы булыжных вымосток. В Затеречье бытовые сооружения иногда возводились из глиняных батоновидных блоков – сырцовых кирпичей (Ханкальское 2-е гор., Сержень-Юртовское и Курчалоевское пос.). В отдельных случаях зафиксированы кладовые (Чапаевское поселение).

На Ставропольской возвышенности в приемах домостроительства выделяются как общие, так и специфические черты. В частности на Грушевском городище открыты турлучные

дома и каменные жилища. Видимо, это связано с особенностью географического положения Ставропольского плато, находящегося на пересечении древних торговых путей. Традиция сооружения каркасных турлучных домов была принесена на территорию Ставропольского плато мигрировавшим сюда в VIII-VII вв. до н.э. населением позднекобанской культуры. В IV-III вв. до н.э. этот район находился в зоне влияния культуры меотских племен Прикубанья. Местное население одновременно знакомится с традициями керамического производства и строительного дела меотов Прикубанья (возведение построек на грунте; использование опорных столбов и др.).

Не смотря на сходство в конструкции жилищ населения Центрального Предкавказья и домов меотов следует отметить и специфически локальные черты. В отличие от меотских строений стены жилищ поселений Центрального Предкавказья имеют каменное основание. Особенности их кладки прослежены на шести поселениях (Подкумский мост, Уллубаганалы - 2, Грушевское, Татарское – 1-е, Чапаевское, Нижне-Джунатское жилище - раскопки П.Г. Акритаса – 1960 г.): основания стен выкладывались без раствора из больших камней неправильной формы. В V - IV вв. до н.э. в связи с седентаризацией части кочевого населения у таких скифских племен распространяется традиция строительства округлых шатровых жилищ.

В конструкциях памятников Ставропольской возвышенности III в. до н.э. выявлены черты, связанные с влиянием античной строительной традиции (скрепление плит скрепами, полигональная кладка, использование квадров, подтесывание краев камней, сооружение однопанцирных и двухпанцирных с забутовкой цоколей). Однако, влияние античного зодчества на характер домостроительства на поселениях Ставропольского плато было недолгим (сарматское нашествие) и не отразилось существенным образом в устоявшихся традициях местной строительной культуры.

Камень добывали в каменоломнях. Такая каменоломня была выявлена автором настоящего исследования в ходе археологических разведок в черте г. Ставрополя – в урочище Мамайская лесная дача.

Третий параграф – *«Производственные комплексы»*. Характерная черта поселений данного периода - наличие производственных комплексов или ремесленных участков. В этот период в поселках образуются целые производственные кварталы (пос. Сауар). Бронзолитейное производство было одним из основных домашних ремесел племен кобанской культуры. Об этом свидетельствуют находки на поселениях льячек, глиняных трубок – сопел для горнов, капель бронзы, тиглей и литейных форм. На ряде поселений открыты бронзолитейные горны. В производственные комплексы, дополнительно, входили мастерские по отливке изделий из свинца и сурьмы. О существовании бронзолитейных мастерских на территории горной Осетии, Кабардино-Балкарии и Затеречья свидетельствует скопление здесь бронзовых предметов прикладного искусства - предметов синкретичных, совмещающих в себе черты как кобанского, так и скифского искусства.

Для производственных комплексов поселений скифо-сарматского периода характерно обязательное присутствие железодельного производства (пос. Сауар, Грушевское гор., Зольское пос. и др.). Выявлены горны, канавки для промывки руды, помещение для хранения угля, теплоизоляционные конструкции, столообразные каменные конструкции, площадки для обработки криц, а также глиняные сопла, каменный инструментарий и отходы производства – шлаки и кричные конгломераты. Железодельное производство было характерно и для сарматского населения Предкавказья. В данный период распространяется культ железа (куски шлака в погребальном инвентаре).

Бронзолитейные и железодельные горны по своей конструкции условно разделяются на два типа: двухкамерные и однокамерные. Наличие в металлургических мастерских печей, сходных по конструкции с гончарными, позволяет допустить возможность совмещения этих производств. В результате сравнения керамических мастерских и горнов поселений горных и предгорно-равнинных районов (пос. Зауар и Крестовая горка) обращает на себя внимание сходство в их конструкциях, свидетельствующее о стандартизации таких

производственных комплексов. Мастерские – это подпрямоугольные сооружения, ориентированные по сторонам света. Горны либо округлой формы (Крестовая горка), либо квадратной, или одна сторона полукруглая (Зауар). И в том и в другом случае печи состояли из нижней топочной камеры со сложной системой поддувов и находившейся над ней камеры, где обжигались сосуды. Горны отделялись от стен мастерских дополнительными термоизолирующими конструкциями (вертикальные плиты и др.). Однако, следует предположить и использование для обжига керамической посуды и более примитивных печей (костровые ямы ?).

В производственных комплексах I тыс. до н.э. металлообработке сопутствует обработка кости (пос. Сауар и др.). Обстоятельство нахождения в подкурганых захоронениях V – IV вв. до н.э. предгорных районов значительного количества костяных наконечников стрел, видимо, связано с производством их в местных косторезных мастерских по заказу кочевого населения.

Кузнечная техника развивается, достигая высокого уровня в последние века до н.э. Об уровне местных мастеров свидетельствует уникальная конская узда, выполненная целиком из железных деталей (скл. Каменная могила).

В середине – второй половине I тыс. до н.э. производственные кварталы являлись своего рода детским садом для детей работников гончарных, а возможно и металлургических мастерских. Здесь, играя в ролевые игры, дети готовились к будущей взрослой жизни профессионального ремесленника.

В четвертом параграфе анализируются особенности *животноводства, охоты и рыболовства*. При общем сходстве скотоводческого хозяйства поселений степной зоны (Ставропольская возвышенность) и предгорных районов Притеречья обращает на себя внимание ряд отличий: преобладание на Ставропольском плато мелкого рогатого скота (на поселениях предгорных районов МРС уступает количественным показателям КРС), большее значение в хозяйстве населения степной зоны играли лошади. Напротив, в отдельных предгорных районах преобладало свиноводство (Сержень-Юртовское, Алхастинское и Нестеровское поселения).

По росту в холке мелкий рогатый скот приближается к овцам лесной полосы раннего железного века. Одна из двух пород крупного рогатого скота по размерам имела сходство со скотом Северного Причерноморья скифского времени и лесной полосы Восточной Европы. Коровы Грушевского городища не отличались особо крупными размерами. По размерам в холке и пропорциям они ближе всего к скифскому КРС лесостепей. Выявленная возрастная изменчивость КРС указывает на то, что животные служили для получения продуктов питания. Второе направление их использования – разведение и использование в качестве тягловой силы и рабочего скота. Чаще всего для этой цели служили волы.

Лошади предгорно-равнинной зоны - это среднерослые (Ташлянское городище) и низкорослые (Грушевское и Татарское городища). Судя по особенностям конечностей и черепа - это лошади степных районов. Лошади поселений Ставропольского возвышенности такой же породы как и у носителей традиции подкурганых захоронений (мог. Китаевка). Присутствие в кухонных отбросах костей молодых лошадей предполагает употребление в пищу конины. Кроме животных степных пород отмечены лошади кавказского выведения – тяжеловозы.

Свиньи приближались по размерам к животным степных поселений Северного Причерноморья. Значительная часть костей принадлежит пороссятам 6-12 месячного возраста. Остатки свиньи, обнаруженные под одной из построек Чапаевского поселения, свидетельствуют о заготовке свинины впрок. Важную роль в хозяйстве местного населения в охране и пастьбе скота играли собаки, они представляли серьезную ценность на внутреннем рынке.

Дикие животные в основе питания жителей городищ Ставропольского плато занимали второстепенное значение и использовались в двух направлениях: копытные давали мясную продукцию, а лисица и в меньшей степени зайцы и барсуки – пушнину. На Ташлянском I городище были найдены кости лисенка (содержание в неволе ?). Предположительно, остатки

тура, выявленные при исследовании Грушевского городища, являются свидетельством связей его жителей с племенами предгорий Северного Кавказа.

Единичные находки остатков птиц (2 особи) указывают на недостаточность внимания древних поселенцев к птицеводству и охоте на птиц. Хотя отсутствие среди кухонных остатков птичьих костей может быть связано с тем, что они без остатка съедались собаками. Незначительную роль в хозяйстве играло рыболовство. Об этом свидетельствуют находки костей осетровых на Грушевском городище (связи с меотами Прикубанья?).

Жителям предгорий, также, дополнительные средства существования приносили охота и, в меньшей степени, рыболовство. Главным объектом охоты являлся благородный олень, кости которого преобладают среди остальных. Интенсивно охотились также на косулю, медведя и кабана. В меньшей степени представлены среди костей диких животных волк, выдра, лисица, куница и некоторые виды птиц.

Скотоводство было стойловым. Для животных заготавливали сено. Домашние животные использовались не только для получения мяса и молока. Находки пряслиц на поселениях служат доказательством об использовании волосяного покрова коз и овец для изготовления пряжи. Шкуры как домашних, так и диких животных, вероятно, выделывались для кожевенных изделий, на что указывают находки в подъемном материале ряда городищ керамических и кремневых скребков для мездрения шкур.

Таким образом, при сохраняющихся местных традициях отгонного (яйлажного) скотоводства в хозяйстве автохтонов (особенно в степной зоне) наблюдается некоторое влияние скотоводческой культуры кочевых племен. Следует отметить, что осетины сохранили древние иранские (и древние индийские) названия почти всех видов домашних животных⁷⁹.

Пятый параграф посвящен характеру *земледельческой культуры племен Центрального Предкавказья второй пол. I тыс. до н.э.* Занятия населения поселков раннего железного века Ставропольской возвышенности и предгорных районов земледелием документируют находки кремневых вкладышей для деревянных и костяных серпов, позднее смененных на железные. О земледелии свидетельствуют также находки бронзовых и железных мотыг, кусков и целых каменных ладьевидных зернотерок, терочников, пестов и жерновов. Такие орудия характерны и для раннесарматского периода. Они обнаружены не только в слоях поселений, но и в подкурганых захоронениях. Возможно, в качестве мотыг в скифское и раннесарматское время использовались железные тесловидные предметы, имеющие на боковых сторонах треугольные выступы для закрепления в вилке деревянной рукояти. Следует отметить, что в раннесарматское время тесловидные орудия использовались в качестве шанцевого инструмента (при рытье глубоких могил). В это время в предгорных районах, видимо в связи с процессом седентаризации кочевников, в погребальной обрядности носителей подкурганых захоронений распространяются элементы земледельческих культов – находки зернотерок и терочников (кург. №1 погр.5 у ст. Павлодольской - 1988 г.; кург. у х. Доброжеланный).

Для горных районов Северного Кавказа существенную роль играло мотыжное земледелие. В Прикубанье земледелие, как предполагается, было плужным, хотя остатки плуга или сохи (железные сошники) пока еще не найдены. Скорее всего, молотба производилась или путем выгона на ток скота, или при помощи молотильной доски со вставленными с нижней стороны осколками кремня. Наиболее распространенным способом хранения зерна на поселениях Центрального Предкавказья являлись хозяйственные ямы. Для этой цели, также, использовали крупные тарные сосуды, корчаги, горшки и пифосы.

В Прикубанье, в предгорьях Кавказа и в степном Предкавказье одним из основных культивируемых злаков являлось просо (в Центральном Предкавказье зерна проса обнаружены в захоронениях и в слоях поселений). Так как западнее (Прикубанье) и юго-восточнее Ставропольского плато (предгорья Чечни) культивировалась мягкая пшеница, следует предположить, что на поселениях степного Предкавказья, также, этот вид сельскохозяйственных растений был широко распространен. Следует отметить близкие

⁷⁹ Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. С. 39.

природно-климатические условия Ставропольской возвышенности с указанными районами, позволяющие культивировать не только просо, но и пшеницу, ячмень и рожь. Некоторые сведения об этом содержатся в сочинениях античных авторов. В частности, Страбон отметил, что у северокавказских племен - троглодитов (пещерников) «много ячменного хлеба». Предположительно, в Центральном Предкавказье (также как в Прикубанье) выращивали бобовые и технические культуры: лен и коноплю. В IV – III вв. до н. э. ставропольские поселения (Грушевское, Татарское, Варваринское и др.) имели постоянные торгово-экономические контакты с Прикубаньем. Возможно, что население Ставропольской возвышенности заимствовало и некоторые элементы меотской земледельческой культуры.

В предгорьях Кавказа, в отличие от Прикубанья, в числе выращиваемых злаков фиксируется твердая пшеница, однако, находки разных злаков вместе с соломой в одной и той же яме Сержень-Юртовского поселения говорят о том, что культура обработки зерна и его хранения у жителей предгорий была невысокой.

С земледельческим производством связаны находки в слоях поселений глиняных культовых лепешек, а также изобразительные сюжеты на керамике, являющиеся первобытными календарями, связанными с этапами сельскохозяйственных работ (пахота, сев, уборка урожая).

Таким образом, особенности системы жизнеобеспечения поселений и городищ степных, предгорных и горных районов второй половины I тыс. до н.э., во многом повторяющие элементы аналогичной системы предскифского и раннескифского времени, свидетельствуют о культурной преемственности, этнической устойчивости и оседлом характере жизни автохтонного населения. Инокультурные элементы в системе жизнеобеспечения, характерные в большей степени для Ставропольской возвышенности, свидетельствуют о контактах с племенами Прикубанья (приемы строительной техники, рыболовство, возможно, элементы земледельческой культуры) и процессе смешения с кочевниками (животноводческая культура). Судя по захоронениям лошадей, коневодство развивается и в горных районах.

Третья глава «Погребальный обряд населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. (традиции и инновации)» - состоит из пяти параграфов и посвящена детальному анализу особенностей погребальной обрядности местного населения и выявлению в ней инокультурных элементов.

В первом параграфе рассматриваются *особенности погребального обряда позднекобанского населения V-IV вв. до н.э.*

Детальному анализу были подвергнуты материалы 441 комплекса рубежа VI-V – IV вв. до н.э. 280 комплексов исследовано на территории Чечни и Ингушетии – Затеречье (восточный вариант по В.И. Козенковой). Вторая по количеству группа захоронений (126 комплексов) выявлена на Ставропольской возвышенности, в районе Кавминвод, в Прикумье, в бассейнах рек Баксана и Малки и в верховьях Кубани (западный вариант по В.И. Козенковой). В числе погребений центральной группы – горные районы Северной Осетии, Чегемское ущелье и др. (центральный вариант по В.И. Козенковой) рассматриваются 35 комплексов. При этом бассейн Баксана являлся контактной зоной между центральным и западным вариантами.

В целом при сохранении традиционных черт в погребальном обряде кобанских племен (скорченное положение костяков, использование камня при сооружении могил, местные формы керамики, украшения, ритуальные предметы и др.) выявляется ряд инноваций, связанных с влиянием культуры кочевников: подкурганное захоронение, кромлехи, широтная ориентировка костяков, обычай отсечения частей тела (головы, конечностей и др.), огненные ритуалы, краска и уголь в погребениях, появление в могильниках кенотафов, захоронения коней, обычай класть в могилу определенные части туши барана, использование в погребальной обрядности степных форм конской упряжи и оружия, изделий звериного стиля и др. Скорее всего, распространение обычая хоронить умерших в вытянутом положении на спине (а не в скорченном) и появление инновационных микродеталей в позах умерших (руки

на животе (паху), перекрещенные ноги, одна нога согнута в колене – атакующая поза и др.) также связано с культурным влиянием кочевников. Захоронения лошадей свидетельствуют о росте значения всадничества и повышении его престижности.

В результате разнообразных контактов кобанского населения Ставропольской возвышенности и района Кавминвод с савроматскими племенами в захоронениях автохтонов появляются сосуды южноуральских форм, отдельные формы зеркал, а также заимствуются элементы воинского костюма (портупейные крюки, колесовидные колчаные привески и др.).

В районах наибольшего контактирования с кочевниками наблюдается появление в одежде смешанного населения элементов костюма ираноязычных племен (головные уборы и др.). В Затеречье, в мужском костюме кобанцев употребляются металлические пояса – подражания скифским боевым. Здесь же, видимо, под влиянием савроматов, в костюмной моде проявляется обычай украшения одежды стеклянными бусами.

Второй параграф посвящен анализу *погребального обряда подкурганых захоронений V – первой половины IV вв. до н.э.*

Проанализировано 86 комплексов. При сопоставлении материалов разных районов Центрального Предкавказья выявились некоторые локальные различия, позволившие выделить территориальные группы, своеобразие которых объясняется, по-видимому, различным составом проживавшего там населения. Западная группа (41 комп.) охватывает территорию Ставропольской возвышенности, верховья Кубани, район Кавминвод, Терско-Кумское междуречье, исключая восточные районы Ставрополя (ставропольская подгруппа – 11 комп.), левобережье Среднего Терека (притерекская подгруппа – 7 комп.), территорию Кабарды (юго-западная подгруппа – 23 комп.). Восточную группу составляют захоронения, открытые в предгорно-равнинных районах Затеречья (34 комп.). Северо-восточная группа памятников включает в себя погребения, выявленные южнее Чограйского водохранилища - в восточных районах Ставрополя и Северо-западного Дагестана (11 комп.).

В V – IV вв. до н.э. в погребальной обрядности кочевого населения Предкавказья сохраняются традиционные черты (основные погребения в ямах (реже впускные), ритуальные ровики, кромлехи, использование камня в погребальных конструкциях, широтная ориентировка костяков, захоронения лошадей, тризновые комплексы, жертвенные животные (баран, к.р.с), погребения рабов, огненные ритуалы, угольная и меловая подсыпка, каменные жертвенники, комплексы вооружения и др.). Однако скифская культура Центрального Предкавказья была подвержена разнообразным внешним воздействиям. В подкурганых захоронениях скифского типа Притеречья выявлены погребальные конструкции, детали воинского костюма и конской упряжи более характерные для савроматов (наземные срубные конструкции, портупейные крюки, изделия звериного стиля). Здесь же и в северо-восточных районах Ставрополя зафиксированы ритуальные каменные блюда.

Не смотря на то, что судя по обряду, большинство подкурганых захоронений оставлены представителями кочевников (скифов и савроматов), на Ставропольском плато, в предгорных районах (территория Кабардино-Балкарии, Затеречье) – зонах прямого контактирования автохтонов и кочевников появляются курганные могильники, в погребальной обрядности которых фиксируются смешанные черты, видимо, свидетельствующие о миксации населения. Возможно, с этим же связано появление у степняков Предкавказья не свойственного им обряда скорченного положения погребенных в могилах, а также меридиальная ориентировка костяков.

Связи кочевников с горцами характеризуют украшения и керамика, выявленные в подкурганых погребениях. В районах распространения племен западного варианта кобанской культуры в могилах степняков доминируют сосуды, судя по форме и орнаментации, западнокобанского производства. Выявленная в памятниках кочевников Затеречья керамика в основном выполнена в местных мастерских поселений восточного варианта. Выявленные в захоронениях савроматов и скифов костяные наконечники стрел, также, являются продукцией горцев. Видимо, в связи с культурным влиянием автохтонов в погребальной обрядности

кочевников появляются элементы земледельческих культов (использование в качестве ритуальной плиты зернотерки - Гойты, кург.4, погр.1).

Третий параграф: – «*Особенности погребального обряда кочевого населения Центрального Предкавказья во второй половине IV – I вв. до н.э.*».

Учтены материалы 294-х подкурганых захоронений. Выделяются четыре локальные группы захоронений: западная (территория Кабарды) – 20 комп.; восточная (затерекская) – 37 комп.; северная – ставропольская (делится на две подгруппы: северную – 140 комплексов и притерекскую – 66 комп.) – 206 комп.; северо-восточная (причограйская) – 31 комп.

По характеру инвентаря погребения следует отнести к двум хронологическим периодам: первый – вторая пол. IV – III вв. до н.э. Подгруппа 1 – кон. IV – первая пол. III вв. до н.э. – 25 комплексов; подгруппа 2 – III – нач. II вв. до н.э. – (без учета захоронений восточной группы) – 12 комплексов; все остальные датируются второй пол. III в. до н.э. – рубежом эр. (в их числе следует отметить погребения второй пол. III – II вв. до н.э., второй пол. II в. до н.э. – нач. I в. н.э. и твердо не датирующиеся комплексы – второй пол. III в. до н.э. – рубежа эр).

Характерной чертой погребений первого периода является присутствие элементов скифской и савроматской культур (основные захоронения (наряду с впускными), ритуальные ровики, в отдельных случаях кенотафы, вытянутое положение костяков, доминирует широтная ориентировка костяков, угольная подсыпка, мел, краска, иногда подстилка под костяком, кости барана, значительный процент костей лошади и крупного рогатого скота, гальки.

Основная часть сарматских подкурганых комплексов относится ко второй половине III – I вв. до н.э. – 256 комплексов. Из них – 180 – северная группа – 70,3% (128 – северная подгруппа (50%), 52 – притерекская подгруппа (20,3%); 22 – северо-восточная (причограйская) группа (8,5%); 18 – западная группа (7,03%); 36 – восточная (14,07%).

В 87-ми памятниках (без учета памятников восточной группы) – 39,5% прослежены особенности погребальной конструкции: 9 подбоев, 28 катакомб, 35 – яма прямоугольной (квадратной формы), 15 – яма овальной формы, а также 3 кенотафа. Подбои сконцентрированы, как и в предшествующий период – на Ставропольском плато и в районе Чограйского водохранилища (2 случая). В одном случае подбой зафиксирован в Притерекской подгруппе. Основная часть исследованных катакомб относится к типу II по К.Ф. Смирнову: они имеют камеру, расположенную на одной оси с входной ямой и являющуюся ее продолжением. Однако в единичных случаях зафиксированы и другие варианты.

Основная часть погребенных находилась в вытянутом положении на спине. Однако в северной (7 – 6,3%) и северо-восточной (причограйской) группах отмечены случаи (9 – 8,1%) скорченных костяков. Отклонения от этих основных положений: для рук – это размещение кистей на тазовых костях или под ними при согнутых или слабо согнутых руках (чаще – в курганах западной группы (60%), реже (11,8%) – восточной группы). В курганах северной группы из выявленных 113 погребенных у 13-ти костяков обе руки находились на бедрах, животе или паху. В 19-ти случаях зафиксировано положение – одна рука на животе (бедрах), другая вытянута вдоль туловища. В 11-ти случаях (9,7%) у костяков зафиксировано положение ног согнутых в коленях. В 5-ти случаях (4,4%) была согнута одна нога (атакующая поза).

Во всех четырех группах господствует широтная ориентировка погребенных с преобладанием западной (93 случая – 30,6%). Северо-западное, юго-восточное и северо-восточное направления фиксируется только в памятниках Ставропольского плато и прилегающих степных районов.

Использование в могилах камня не получило широкого распространения – 18 погр. (7,3% – из них 12 открыты в северной группе). Остатки перекрытия, гробовины или подстилки зафиксированы в 30 погр. (11,7%). В 32-х погребениях северной группы (17,7%) зафиксирован тлен от покрывала, одежды, кожаных изделий и циновок (по подгруппам – 25 и 7 случаев. Циновки и коврики выполнены из камыша и бересты. Два раза отмечена подушка под головой погребенного: войлочная и кожаная.

Уголь и мел редко встречаются в подкурганых погребениях - соответственно в 6,2% (15 случаев) и 7,8% (20 случаев). В северной группе зафиксирован единственный случай обмазки свода камеры известью (Веселая Роща, кург.22, погр.6). В северной группе в 13-ти комплексах (10,4%) присутствовала краска: реальгар (10 случаев) и охра (3 раза).

Погребения с костями животных в северной группе составляют 35,5% (64 комп.). Чаще в погребениях присутствуют кости барана. Реже - кости крупных животных. В северной группе в 11-ти комплексах (6,1%) были обнаружены целые скелеты и отдельные кости лошадей. Следует отметить, что эта черта характерна только для северной подгруппы. В 7-ми захоронениях северной группы (3,8%) зафиксированы кости крупного рогатого скота.

Продолжается традиция использования в погребальном обряде галек и кусков песчаника (от 1 до 9 экз.). В северной группе они присутствовали в инвентаре 13-ти погребений (7,2%) (по подгруппам – 8 и 5 случаев). В двух случаях зафиксированы ритуальные песчаниковые плиты. Наиболее часто сосуды с гальками встречаются в погребениях на территории восточной группы – 12,5%. В единичных случаях обнаружены сосуды с цепью.

Таким образом, характерной чертой погребений второй пол. IV – III вв. до н.э. является присутствие в погребальной обрядности и в инвентаре элементов скифской и савроматской культур (ритуальные ровики, основные погребения в ямах (наряду с впускными), подбои, ритуальные комплексы с оружием, уголь, мел, краска, захоронения лошадей, конская упряжь, мечи синдо-меотского типа, колчаные наборы, включающие бронзовые наконечники, зеркала и др.). В северной группе эти черты доживают до начала II в. до н.э. С сер. III в. до н.э. в захоронениях появляются прохоровские зеркала и мечи с серповидным навершием (нашествие новой волны кочевников). С середины II в. до н.э. массово распространяются впускные ямные захоронения с широтной ориентировкой (сираки). Распространяются катакомбы типа II. В погребальном обряде используются гробовища (или носилки), подстилка, погребальные покровы, подушки, коврики или циновки и др. Распространяется обычай обшивания бусами одежды и аксессуаров. О полиэтничности населения II – I вв. до н.э. свидетельствуют в захоронениях элементы обряда и предметы восточного происхождения (южная ориентировка костяков, предметы звериного стиля, енисейские пряжки, парчовые ткани и др.).

Четвертый параграф посвящен анализу погребального обряда грунтовых могильников Центрального Предкавказья конца IV - I вв. до н.э.

Погребальный обряд грунтовых могильников рассмотрен в двух локальных группах: западной (территория Кабарды, ограниченная с севера течением р. Малка, а с востока – р. Терек, включая Нижне-Джулатский могильник на правом берегу р. Терек, а также территория Кавминвод, Прикумье, Ставропольская возвышенность, верховья Кубани) и восточной (предгорно-равнинные районы Затеречья; сюда же условно включены погребения грунтовых Моздокских могильников левобережья р. Терек). В западной группе следует выделить две подгруппы памятников: южную (территория Кабарды) и северную (территория Кавминвод, Прикумье, Ставропольская возвышенность, верховья Кубани). Кроме этого, для сравнения, привлекались материалы могильников горной части Северной Осетии (Кобань, Куртат и др.).

В восточной группе ряд могильников, возникших в скифскую эпоху, продолжали использоваться и в сарматское время, или же последние зарождались в непосредственной близости от могильника предшествующей эпохи (Ножай-Юртовский 2-й мог.). На территории Среднего Притеречья (Ханкальский мог., Кантышевский мог.) погребения совершены в грунтовых ямах. В Среднем Притеречье господствующим является вытянутое положение на спине (в скорченном - 1). Здесь преобладает широтная ориентировка. В Ханкальском могильнике погребения с напутственной пищей составляют 19,6 %. Чаще кости барана – 90 %.

В памятниках восточной группы выявлены ритуальные сосуды с гальками, иногда обожженными (35,2 % погребений Ханкальского могильника). В 4-х погребениях на территории городища вместе с гальками в сосуде были угли. В ряде захоронений отмечен обычай угольной подсыпки. Также, здесь (на территории городища) в трех погребениях под скелетами зафиксирована меловая подсыпка. В 2-х случаях она сочеталась в могиле с угольной

подсыпкой. В одном погребении (на территории городища) обнаружен тлен от подстилки (типа кошмы). По одному разу у тазовых костей отмечены: кусочки серы, охры, реальгара.

В Юго-Восточной Чечне в 9 некрополях выделены 13 захоронений III-I вв. до н.э. Большинство - в каменных ящиках (61 % - 8 погр.). Еще 31 % - ямы с частичным каменным оформлением. В захоронениях выявлено значительное количество костяков в скорченном положении (мог. на г. Лехч-Корт, Яман-Су и Балан-Су). Характерен обычай положения одной или обеих кистей рук на таз или под тазовые кости, что связано с влиянием традиций скифского времени. Характерна южная с отклонениями ориентировка. В 7-ми погребениях (из 13) были обнаружены кости животных: чаще - кости овцы реже - кости коровы, лошади, свиньи, собаки и позвонки рыбы. В 7-ми погребениях (Яман-Су) найден древесный уголь.

В отличие от комплексов Среднего Затеречья в памятниках Юго-Восточной Чечни выявлены кружки с петлевидными ручками и ковши с длинной ручкой-налепом, которые составляют локальную особенность в керамике. Также, отличительной особенностью является присутствие в колчаных наборах железных плошчиков.

Для могильников западной группы (южной подгруппы) характерно сочетание катакомбных могил и погребений в грунтовых ямах. Катакомбы преобладают, составляя 71,4 % от общего числа могил (98) этого периода, открытых в Нижне-Джулатском и Чегемском могильниках. Здесь характерно наличие ярусных захоронений в пределах одной камеры.

В северной подгруппе рассмотрены 23 погребения. В основном отмечены грунтовые ямы (19 случаев - 82,6 %), чаще прямоугольной формы (1 - яма овальной формы). Открыты три погребения в «пещерках» (подбой ?) у хут. Херсонка. В двух случаях грунтовые могильники располагались вокруг склеповых сооружений (мог. №2 Татарского городища, мог. Вербовка). В могильнике №2 Татарского городища грунтовые могилы имеют два или три яруса. При сооружении могил характерно использование камня (обкладка стенок, заклады). Кроме камня в погребальных конструкциях использовалось дерево (перекрытия, закрытие входа в катакомбу досками). Выявлен значительный процент коллективных погребений.

Господствующим в могильниках южной подгруппы является вытянутое положение костяков. Как исключение встречается скорченное положение – на левом или правом боку (по 4 случая). В 2-х случаях костяки лежали в вытянутом положении на боку – левом или правом, в 2-х могилах погребенные были положены ничком. У погребенных преобладало вытянутое положение рук вдоль туловища (74,2 %), иногда вытянутые руки были слегка отведены от туловища (17 случаев, или 18,3 %). У 16-ти погребенных кисти согнутых рук были положены на или под таз (17,2 %). Чаще всего (83,8 %) обе ноги были вытянуты, лишь изредка (8 случаев, или 10 %) одна нога была согнута, в 5-ти случаях ноги были перекрещены в голенях (6,2 %).

В захоронениях северной подгруппы, также, погребенные чаще находятся в вытянутом положении. В 6-ти случаях отмечено скорченное положение скелетов (5 на левом боку, 4 на правом). Фиксируется разнообразное положение рук и ног. В одном случае костяк лежал на спине с согнутыми в коленях ногами. У трех погребенных левая нога была вытянута, а правая согнута в колене. В могильнике Херсонка зафиксированы захоронения черепов.

В Нижне-Джулатском могильнике преобладает меридиальная ориентировка (юго-запад, юго-восток, северо-запад) В Чегемском могильнике преобладает северо-западная с отклонениями ориентировка, затем следуют юго-западная и юго-восточная с отклонениями. В грунтовых захоронениях северной подгруппы, также, преобладают меридиальные ориентировки (юго-восток, север, северо-восток, юго-запад).

Обычай помещения в могилу напутственной пищи отмечен в 30,5 % погребений южной подгруппы. Среди напутственной пищи преобладающим было мясо барана, в остальных случаях это были кости к.р.с. – ребра или передняя нога с лопаткой. В могильниках обеих подгрупп открыты захоронения коней.

Иногда в катакомбах рядом с погребенными размещены ритуальные сосуды с гальками и цепью. Известны случаи нахождения сосудов с гальками и сосудов с цепью в одной катакомбе. Сосуды с гальками и отдельные гальки (у головы) обнаружены и в комплексах

северной подгруппы. В катакомбных погребениях южной подгруппы отмечено присутствие тлена от подстилки, а также угля и мела. Наиболее характерны они для могил Нижне-Джудатского могильника (16 случаев). В 10-ти погребениях на дне обнаружены следы подмазки ярко-зеленой глиной (9-ть - в катакомбах). В 5-ти - такая подмазка обнаружена под тленом от подстилки.

В Чегемском могильнике мел в виде подсыпки найден в 17 катакомбах (48,5 %). Всего мел обнаружен в 20 % погребений. Уголь в виде порошка и отдельных кусочков найден в 25 катакомбах обоих могильников и в 4-х грунтовых могилах. В 3-х катакомбах раннего периода найдены обожженные кости, однако следов огня на дне могил не обнаружено. В северной подгруппе следы угольной посыпки зафиксированы в двух погребениях могильника Херсонка.

Среди украшений и предметов одежды наибольшее распространение получили бусы, безщитковые пряжки, бляшки-нашивки на одежду, фибулы, булавки, браслеты, перстни, привески и др. В отдельных случаях бусы лежали у запястий и у костей стопы или у щиколоток, либо чуть выше – поперек голеней, являясь обшивкой краев одежды – рукавов, подола или низа шаровар, - а также обуви.

В обрядности захоронений западной группы наряду с сарматскими чертами, наблюдается сохранение скифских (захоронения лошадей, подмазка дна могил зеленой глиной и др.), а также горских элементов (меридиальная ориентировка костяков, украшения и амулеты, выполненные в кобанском стиле). Катакомбы типа I являются упрощенной формой склепов IV – II вв. до н.э.

В пятом параграфе «*Особенности погребального обряда гробниц склеповых могильников*» рассматриваются особенности погребального обряда, характерные для данного типа памятников. Подкурганские склепы рассматривались в числе грунтовых, поскольку их особенности конструкции и погребальный инвентарь идентичны. Были проанализированы материалы 8-ми склеповых могильников и 10-ти отдельных склепов (всего 40 склепов). Все склепы условно можно разделить на две группы: 1) каменные и сырцовые гробницы без входа и 2) склепы, имеющие вход в камеру. В числе памятников второй группы выделяются 2 типа по признаку – наличию коридорного входа в камеру – дромоса или присутствию входа-проема в одной из стен. По форме входа выделяются прямоугольные проемы, а также входы в виде прямоугольных и круглых отверстий в одной из стенок (дольменообразные склепы: Коба-Баши, склеп на правом берегу р. Горькой). Кроме простых – однокамерных гробниц выделяется группа многокамерных склепов, которые условно относятся к трем типам: анфиладные (камеры и коридоры их соединяющие вытянуты в одну линию (Жарагодеуаш), гробницы, находящиеся внутри камеры, большей по размерам (кург. 17 у ст. Воронежской) и крестообразной конструкции (боковые камеры и дромос соединяются с центральной камерой под прямым углом – Каменная могила).

Ряд элементов строительной традиции некоторых склеповых сооружений (склеп у г. Брык) аналогичен использовавшимся при возведении гробниц на Таманском полуострове: манера квадратной кладки с украшением фасада (каннелированные пилоны), способ крепления плит скрепами (деревянными и свинцом). Прототипами дольменообразных склепов (Коба Баши) являются дольмены эпохи средней бронзы из Причерноморья и Закубанья. Конструкции основной части склеповых сооружений Центрального Предкавказья более просты чем их западные аналоги. В одном случае гробницу окружал кромлех. В основном гробницы содержат коллективные погребения. Господствующим является вытянутое положение костяков. Характерна меридиальная ориентировка: север, северо-восток, северо-запад, юг, юго-восток.

В стратиграфии ряда склепов зафиксированы два яруса. Присутствие импортов, а также хорошо датирующихся категорий инвентаря в комплексах гробниц позволяет разделить все материалы на три хронологических периода: I) - вторая пол. IV – нач. II вв. до н.э.; II) – сер. II - I вв. до н.э.; III) - I – II вв. н.э. К первому периоду относятся находки чернолаковых сосудов, амфор, сероглиняных меотских сосудов, а также чернолощеной керамики. Нижний горизонт, также, датируют, бронзовые наконечники стрел, некоторые детали конского убора,

стеклянные сосуды – фиалы и др., гемма-литик, детали терракотовых ожерелий и др. Все они надежно датируются концом IV – началом II вв. до н.э. Гробницы, в которых обнаружены отмеченные предметы, концентрируются на Ставропольской возвышенности, а также, в верховьях Кубани, в районе Кавминвод и на территории Кабардино-Балкарии. Второй хронологический этап существования склеповых сооружений (сер. II – I вв. до н.э.) определяется на основании перекрестных датировок многих предметов (стеклянных скифосов, фибул среднелатенской схемы, мечей с кольцевидным навершием и прямым перекрестием, зеркал с валиком по краю и ручкой-штырем, железных черешковых наконечников стрел и др.).

При значительном количестве выявленных в гробницах античных и меотских импортов (чернолаковая и сероглиняная посуда, амфоры, стеклянные и металлические сосуды, украшения и др.), а также предметов, связанных с влиянием степной культуры (украшения, бронзовые наконечники стрел и др.), фиксируются вещи, характерные для памятников позднекобанской культуры (чернолощенная керамика, украшения, некоторые типы подвесок-амулетов, зооморфные изображения). Отдельные элементы конструкции гробниц (вертикальные плиты, бездромосные ящики) и обряда (ярусность захоронений) сходны с памятниками горцев.

Четвертая глава – «Этнические связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э.» состоит из двух параграфов и посвящена анализу особенностей этнических связей кочевых и оседлых народов в исследуемый период.

Первый параграф: – *«Реконструкция этнической истории Предкавказья в V-III вв. до н.э.»*.

После ухода с территории Северного Кавказа основной части скифов в степях Предкавказья продолжали существовать значительные группы кочевого населения, политически не связанные со скифами Северного Причерноморья, но объединенные с ними общим происхождением и культурой, что отразилось в ряде курганных могильников V в. до н.э. В это же время в восточных районах Северного Кавказа фиксируются савроматские племена. Совпадение ареалов памятников скифской и кобанской культур в пределах западных районов Центрального Кавказа и савроматской и кобанской культур в его восточных районах означает взаимопроникновение трех различных по происхождению археологических культур и, следовательно, трех различных по происхождению этносов (хотя культуры двух из них сходны, но не тождественны). Это – ареал внутрорегионального этнического контактирования, характеризуемого глубоким проникновением больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка. Кобано-скифское контактирование V-IV вв. до н.э. дает основание говорить о начале этноязыковой иранизации и начавшемся процессе этнической миксации (появляются подкурганные захоронения со смешанными чертами). Горные районы оставались в это время зоной обитания автохтонов, испытавшей лишь некоторое влияние культуры скифов.

В V – первой пол. IV в. до н.э. на поселениях Ставропольской возвышенности (Грушевское гор.) хозяйственная деятельность жителей почти совершенно прекращается. Это свидетельствует о возможном сокращении местного населения. Начало упадка Грушевского городища, видимо, связано с уходом степного населения, на нужды которого ориентировались местные земледельцы и ремесленники. Одновременно некоторые категории предметов (украшения), аналогичные предметам позднекобанской культуры, появляются в памятниках горного Крыма. Фиксируются перемещения племен кобанской культуры. В своем движении на запад они достигают района верховьев р. Большая Лаба (пос. Каменные Столбы - ст. Ахметовская). Одновременно в центральные районы Ставрополья с северо-востока проникают группы савроматских племен (при этом происходит смешение скифского и пришлого населения). Возможно, с возрастающим давлением этой группы связана миграция части позднекобанского населения с восточной части Ставропольской возвышенности и района Кавминвод в район Среднего Притеречья (Нижне-Джулатский мог., Моздок).

По сведениям античных авторов (Гекатей Милетский, Полиен, Эфор, Псевдо-Скимн), ираноязычные племена иксоматы-язаматы (савромато-меотское население ?) в VI – IV в. до н.э. находились на территории Прикубанья. Принадлежность их к ираноязычному населению подчеркивают также известные имена их правителей (Тирготао, Арифарн), а также особенности погребального инвентаря подкурганых захоронений IV-III вв. до н.э. правобережья Кубани (уголь, тлен от подстилки, курильницы, реальгар, бусы на шее, груди и запястьях и др.). Судя по рассказу Полиена, данное население (в союзе с другими варварскими племенами) находилось во враждебных отношениях с Боспорским царством. Эти события, происходившие в сравнительной близости от высот Ставропольской возвышенности (несколько дней конного перехода), видимо, отразились и на затухании функционирования поселений данного района. Возможно, именно с войнами в низовьях Кубани связано сокращение населения, проживавшего на Грушевском городище в первой половине IV в. до н.э. В этот период на Ставропольской возвышенности появляются комплексы захороненных скифских изваяний (Ковалевское, Беспутка), аналогичные памятникам из Уруп-Лабинского междуречья (Преградненский комплекс). Возможно, даты создания изваяний (рубеж V-IV – середина IV в. до н.э.) являются хронологическими границами периода пребывания перемешанного со скифами и савроматами местного (позднекобанского) населения в низовьях Кубани – начало – середина IV в. до н.э.

После окончания войны отряды племен Предкавказья возвращаются домой. С этим, скорее всего, связано появление склеповых сооружений на Ставропольской возвышенности. В период походов в низовьях Кубани они восприняли традицию погребения в склеповых конструкциях (как и язаматы) у греков и синдов Таманского полуострова.

Для населения, возводившего каменные гробницы, характерна меридиальная ориентировка (север и юг с отклонениями) как в грунтовых могильниках кобанской культуры (западного варианта) и в некоторых подкурганых захоронениях смешанного населения (мог. Китаевка, кург. на земл. колх. им. Войтика) данного периода. В ряде случаев (мог. №2 Татарского городища, Вербовский мог.) вокруг гробниц выявлены грунтовые могилы. Иногда у склепов открыты ритуальные площадки по набору ритуальных скоплений, сходные с подобными культовыми сооружениями меотов Закубанья IV-II вв. до н.э.

Ряд категорий погребального инвентаря гробниц (чернолощенная керамика, украшения и некоторые типы подвесок-амулетов), характерных для позднекобанского населения, определенно свидетельствует о принадлежности склеповых сооружений микшированному населению, при доминировании кобанского компонента. Ярусность склеповых захоронений не противоречит такой этнической атрибуции этих памятников, поскольку многоярусные погребения VI-IV вв. до н.э. известны как в западной группе (Каррас), так и в центральной (Гастон-Уота). Кромлех вокруг склепа №2 могильника №1 Татарского городища находит аналогии в Луговом могильнике. В гробницах выявлены изображения, характерные для кобанского искусства.

Одновременно с возвратившимися группами местного населения на Ставропольской возвышенности появляются группы язамато-меотского населения и возможно греческие купцы (Грушевское городище). Видимо, это связано с периодом стабилизации в Предкавказье. Отряды прикубанских племен могли выполнять функцию контроля над караванными путями, в частности, охранять греческие или меотские торговые экспедиции на Ставропольскую возвышенность и далее в предгорья Центрального Предкавказья.

Период стабильности в Прикубанье заканчивается в конце IV в. до н.э. По сведениям Диодора Сицилийского, после смерти царя Перисада I (310-309 гг. до н.э.) на Боспоре начинается гражданская война между его сыновьями Сатиром, Евмелом и Пританом (Диодор, XX, 22). На стороне Евмела был царь фатеев Арифарн с двадцатью тысячами пехоты. В повествовании Диодора племена фатеев, видимо, являются потомками иксомато-язаматских племен. Поскольку в гражданской войне братья, видимо, опирались на племена, длительное время находившиеся в дипломатических отношениях с Боспором (в Крыму это скифы, на азиатском Боспоре – язамато-меотский союз). Этот союз племен объединял смешанное

население: различные племена савроматов, меотов, синдов, скифов. Для погребений этого союза были характерны подкурганые склеповые (земляные, деревянные, каменные) конструкции. Доминирующей силой видимо являлись язматы (местное савромато-скифское население).

Победа в гражданской войне Боспора союзников обеспечила местным племенам защищенный тыл. Поэтому экспансия прикубанского союза племен была направлена на юго-запад. Базовая основа этого объединения – совместные походы в Закавказье. В Южной Абхазии в исследуемый период появляются могильники с прикубанскими материалами и святилища (городище Гюэнос, Алексеевское ущелье, устье р. Келасур, Агудзера и др.). О враждебных Колхиде савроматах упоминает Апполоний Родосский. Позднее между вождями язматов и правителями Колхиды устанавливаются династические связи, что свидетельствует о мощи язмато-меотского союза.

В III нач. II вв. до н.э. поселки продолжают существовать на старых местах. Возникают новые, которые тоже обустраиваются на берегах рек. Результаты исследований памятников Прикубанья и Ставрополя опровергают тезис об отсутствии погребений датируемых III в. до н.э. Территория Предкавказья была плотно заселена. Об этом свидетельствуют материалы, как поселений, так и могильников (склепов, грунтовых и подкурганых погребений). В погребальной обрядности подкурганых захоронений фиксируется продолжение скифских традиций (ровики вокруг погребений, ритуальные комплексы с оружием, захоронения лошадей). В богатых подкурганых погребениях северной и восточной групп встречаются ювелирные изделия (серьги, гривны, браслеты, бляшки) скифского облика, что объясняется дальнейшим продолжением скифских традиций и их устойчивостью у местного населения.

Предположительно, период стабильности, связанный с могуществом язмато-меотского союза племен, прерывается в середине III в. до н.э. Судя по комплексу амфорных родосских клейм, выявленному в погибшем от пожара Грушевском городище, в 50-40-е годы III в. до н.э. в Предкавказье вторгается какая-то новая группа кочевников (сирматы, исседоны, сираки ?) на короткое время дестабилизировавшая политическую ситуацию в регионе. Одновременно распространяются комплексы с прохоровскими вещами.

В гробницах могильников Ставропольской возвышенности пока не выявлены материалы второй пол. II-I вв. до н.э. Однако в верховьях Кубани и в районе Кавминвод в данный период склепы III – нач. II вв. до н.э. используются в качестве погребальных сооружений. Появляются новые (Кобан-гора, Хасаут). Возможно, это обстоятельство связано с экспансией сираков в степное Предкавказье в середине II в. до н.э. (массовое распространение подкурганых погребений с широтной (западной) ориентировкой) В результате местное население Ставропольской возвышенности было вынуждено мигрировать в предгорья Северного Кавказа, освобождая степной коридор, ведущий к перевалам Кавказа.

Второй параграф «Этнические процессы на территории Центрального Предкавказья во II в. до н.э. – нач. I в. н.э.» посвящен реконструкции этнической ситуации в регионе и характеру этнических связей местных племен.

Сведения о некоторых племенах Предкавказья II в. до н.э. – нач. I в. н.э. известны из сообщений авторов I в. н.э. Страбона, Плиния Старшего и Тацита. Согласно Страбону в Восточном Предкавказье располагались племена гаргареев, гелов, легов, исадигов и амазонок. Скорее всего, гаргареев следует локализовать в предгорьях Чечни и Ингушетии. Гелы, леги и исадики – племена Дагестана и приграничных районов с Чечней. Также автор отмечает ряд народов в предгорьях Центрального Предкавказья (троглодитов, хамекитов, полифагов). Несколько раз Страбон в связи с Северным Кавказом называет племена сарматов. В степном Предкавказье он размещает набианов, панксанов, сираков и аорсов. Плиний указывает на племена кавтадов и офаратов располагавшихся между Урупом и устьями Большого и Малого Зеленчуков. В Притеречье он отметил имитиев, апартеев, агдиев, карнов, оскардеев, аккисов, гибров, гегар (видимо гаргареев). Рядом с ними он располагает амазонок и савроматид. В верховьях Кубани он помещает «сарматский народ» - эпагерритов, а за ними (в степном Предкавказье) – савроматов (сираков ?).

Назвав сираков беглецами «...из среды живущих выше народов» Страбон указывает и направление поисков мест, откуда они бежали, - это районы севернее Прикаспия, районы распространения раннесарматской (прохоровской) и предшествовавшей ей савроматской культур. Сравнение двух версий Плиния и Тацита о бегстве Митридата Боспорского к савроматам (или сиракам) свидетельствует о том, что савроматы и сираки отождествлялись античными авторами⁸⁰. Страбон в другом высказывании уточняет место расположения сираков и аорсов: «Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду». Не касаясь существа спорного вопроса, что подразумевать под Ахардеем – Кубань или Маныч, следует отметить, что выражение «спускающиеся к югу до Кавказских гор» подкрепляет предположение о локализации сираков на Кубани. Предположительно в районе Армавира, по сведениям Тацита, находился город с характерным племенным названием Серака.

Мы сталкиваемся с двумя понятиями Сиракены. Первое – узколокальная территория (Восточное Приазовье и Прикубанье). Возможно, это район прилегающий к греческим городам Северного Причерноморья (зона контактов с кочевниками) или место первоначального расселения сираков после их миграции. Второе понятие более позднее, включает кроме Прикубанья и степные районы Ставрополя. В степных районах Ставрополя открыто значительное количество впускных комплексов с широтной ориентировкой II – I вв. до н.э.

Кроме сираков в равнинных районах Предкавказья Страбон фиксирует кочевые племена набианов и панксанов.

На рубеже III – II вв. до н.э. наблюдается увеличение числа кочевников на Правобережье Кубани. Возможно, это обстоятельство является причиной произошедших изменений в политической расстановке сил в Предкавказье. Эти племена – сираки интегрируются в союз язамато-меотских племен, а во II в. до н.э. становятся доминирующей силой в регионе. Состав пришельцев был неоднороден, о чем говорят впускные погребения с южной и юго-западной ориентировкой, а также предметы (изделия, выполненные в зверином стиле, енисейские пряжки) восточного происхождения.

Сарматские контингенты, видимо, эпизодически принимали участие в войне в Малой Азии в нач. II в. до н.э. В договоре 179 г. до н.э. упоминается царь европейских сарматов Гатал. Золотой сосуд, из которого сделаны бляхи (Бойко-Понура), и серебрянный канфар из Артюховского кургана - пергамского производства. Возможно, это свидетельствует о том, что сарматы Гатала были союзниками царя Понта Фарнака I в войне с соседними государствами Вифинией, Каппадокией и Пергамом. В связи с этим в сарматских памятниках и в погребениях смешанного населения (их союзников) распространяются стеклянные канфары малоазийского производства и кельтские шлемы.

Не смотря на то, что во II в. до н.э. Предкавказье было завоевано сираками, местное население не было уничтожено, а, скорее всего, в качестве подчиненных этносов, вошло в сиракский союз племен. С этими событиями связано прекращение традиции сооружения подбойных могил (земляных склепов ?) у х. Херсонка. Одновременно начинают функционировать грунтовые могильники на территории Кабардино-Балкарии: Чегемский и Нижне-Джунатский. Видимо, в связи с движением сарматских группировок к перевалам, местное оседлое население вынуждено было мигрировать из степного Предкавказья на юг – в более безопасные предгорные районы. Здесь появляются склепы (Коба Баши, Кобан-Гора).

Таким образом, судя по расположению склеповых и грунтовых могильников с материалами (кроме сарматских) скифской и кобанской культуры, а также согласно этнокарте Страбона, фиксируются два различных, отличающихся хронологически и территориально расположения набианов. В IV – сер. II в. до н.э. эти племена занимали районы Ставропольской возвышенности и верховьев Кубани, территорию Кавминвод и Кабардино-Балкарии. Юго-восточные районы Ставрополя и Средний Терек, видимо, являлись границей между ними и панксанами (потомки миксированного скифо-савроматского населения). С сер. II в. до н.э.

⁸⁰ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 147.

набианы, будучи оттеснены на юг, локализуются в предгорных районах: в верховьях Кубани, на склонах гор-лакколлитов Пятигорья, в Кисловодской котловине и на территории Кабардино-Балкарии. Панксаны занимают территорию Затеречья, где соприкасаются с кавказскими племенами (Юго-восточная Чечня). Проход между набианами и панксанами, ведущий к перевалам, контролировался сарматами. В данной зоне связи горных племен с сарматами остаются в рамках маргинального контактирования.

В последние века до н.э. на территории Предкавказья формировались племенные союзы, включавшие как кочевое, так и оседлое население. В предгорьях в стороне от перевальных путей начинается постепенный процесс седентаризации сарматских племен. Это происходит в районах проживания миксированного населения (набианы, племена позднекобанской культуры, скифы). Поэтому в погребальной обрядности грунтовых могильников на территории Кабардино-Балкарии (Нижне-Джулатский и Чегемский) кроме сарматских прослеживаются инокультурные элементы (скифские и позднекобанские). Факт их нахождения в одних могильниках, особенно это касается территории Кабарды, подчеркивает смешанный характер населения предгорий. Для данной зоны характерны: внутрорегиональное контактирование и этническое смешение – миксация. Эти процессы в указанных районах Центрального Предкавказья положили начало формированию интегрированной из субстрата новой этнической общности – новообразования с синкретической культурой (условно поздние набианы).

В середине II в. до н.э. наблюдается усиление военной политики сиракского союза на Азиатском Боспоре. Фиксируется проникновение в Предкавказье новой группы восточных племен (аорсов, тохаров, алан ?). С этим связано появление в погребениях на территории прилегающей к Дарьяльскому ущелью енисейских пряжек (Заманкул) и изделий звериного стиля (Комарово). В связи с участием сиракского союза племен в войнах Митридата в захоронениях Прикубанья и Центрального Предкавказья появляются фибулы среднелатенской схемы, фибулы-броши и латенская посуда. Непосредственно с деятельностью Митридата VI, также, связан второй этап поступления канфаров в Предкавказье (кон. II – первая пол. I в. до н.э.). Находки этрусско-италийских шлемов в предгорных районах Центрального Предкавказья связаны с пребыванием здесь союзной Митридату (затем Фарнаку) группы сарматов, контролировавшей Дарьяльское ущелье.

Одновременно в Предкавказье распространяются погребения «зубовско-воздвиженской» группы, оставленные сираками и возможно выходцами с востока (аланами ?). Концентрация подобных погребений выявлена в районе гг. Краснодара – Славянска-на-Кубани. В Центральном Предкавказье такие комплексы открыты в Притеречье и в Степном Ставрополье. Скорее всего, комплексы выявленные в Притеречье, связаны с участием в Митридатовых войнах смешанного населения Северо-Восточного Предкавказья – сарматов и панксанов (смешанного савромато-аборигенного населения).

Также в походах в Закавказье через западные перевалы и Дарьяльское ущелье участвовало и население более западных и северных районов (сираки, набианы, аорсы ?). В частности, о проникновении отрядов из местного населения в Закавказье через Дарьяльское ущелье свидетельствует комплекс у с. Заманкул (сосуд в виде птицы албанского производства).

После разгрома сираков (49 г. н.э.) приход аорсов, а затем алан вынудили местное население отступить на юг, в глубь предгорий, в более безопасные места. Этническое новообразование с синкретической культурой смешивается в горных ущельях с представителями кобанского населения. Завершается первый период политического господства в Центральном Предкавказье ираноязычного населения, приведший предположительно к формированию дигорского диалекта осетинского языка.

Пятая глава «Экономические связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э.» состоит из двух параграфов и посвящена становлению и динамике развития экономических связей местного населения в середине – второй половине I тыс. до н.э., а также исследованию транскавказских караванных дорог, существовавших в исследуемый период.

В первом параграфе «Связи населения Центрального Предкавказья в V – III вв. до н.э.» анализируется характер экономических связей населения Центрального Предкавказья в позднескифский период.

Факт существования степных путей в I тыс. до н.э. (в том числе в Предкавказье) подтверждается свидетельствами античных авторов (Аристей, Эсхил, Пиндар, Геродот, Страбон, Антоний Диоген и др.).

В V–III вв. до н.э. налаживаются разнообразные экономические (обменные) связи как между различными племенными группами кобанской культуры (поставки керамики), автохтонами и местным кочевым населением (керамика, вооружение, украшения), так и через их посредничество с племенами Прикубанья, Закавказья, Поволжья, Южного Приуралья и Подонья. Это прослеживается в распространении определенных типов оружия, керамической посуды, зеркал и украшений. Из Ирана к населению Центрального Предкавказья в незначительном количестве поступала бронзовая посуда, из Западной Грузии – золотые украшения и керамика. Из района Предкавказья вывозили сырье (металл – медь, оловянистая бронза), некоторые типы украшений и керамическую посуду. Через данный район из Закавказья (через посредничество кочевников) к племенам выше перечисленных территорий поступали различные украшения (из золота и полудрагоценных камней). С длительным периодом сосуществования оседлых и кочевых племен связана специализация керамического производства в отдельных регионах Центрального Предкавказья. В подкурганых захоронениях кочевого населения западной группы выявлены сосуды форм западного варианта кобанской культуры. Соответственно в памятниках восточной группы – керамика Затеречья. На заказ кочевников также работали косторезные мастерские автохтонов.

В процессе костюмных контактов автохтонных народов Предкавказья с ираноязычными этносами особую роль играли миграции кочевых племен и их последующее сосуществование с горцами в рамках узколокальной территории. В результате в районах их смешения (Ставропольское плато) для одежды данного населения характерны элементы костюма скифов (головные уборы, обувь др.). В Затеречье в мужском костюме кобанцев используются металлические пояса – подражания боевым скифским. Здесь же, видимо, под влиянием савроматов, в костюмной моде проявляется обычай украшения одежды стеклянными бусами.

В V – IV вв. до н.э. в комплексе вооружения и в числе бытовых предметов кобанских племен появляются изделия, связанные с воздействием греческой культуры (аттические шлемы, чаши-фиалы, оружие типа махайры, железные топоры с секировидным лезвием (VII тип по В.И. Козенковой). На рубеже V–IV вв. до н.э. в Прикубанье начинают массово поступать вещи античного производства. Предположительно, возникающие греческие фактории в низовьях Кубани становятся центрами обменной торговли и для населения более удаленных районов: Среднего Прикубанья и Ставропольской возвышенности. В памятниках Центрального Предкавказья фиксируется значительное количество античной керамической посуды (амфоры Менды, Родоса, Гераклеи, Фассоса, Колхиды, Боспора и др.). Возможно, налаживаются торговые связи с Танаисом. Поставки вина носили импульсный характер. Из Прикубанья осуществлялся завоз чернолаковых сосудов (килики, канфары, кувшины и тарелки).

Для III в. до н.э. характерны значительные поставки в городища Ставропольского плато прикубанской керамики (канфары, сосуды со сложно профилированным горлом, кувшины, миски и др.). Поступление в данный район меотских форм сосудов привело к тому, что керамический комплекс Татарского и Грушевского городищ (окрестности г. Ставрополя)

формируется под мощным влиянием Прикубанья. От меотов поступали детали конской упряжи и некоторые виды вооружения.

Также в Центральное Предкавказье завозилась бронзовая и золотая посуда производства античных центров Северного Причерноморья: ситулы, ковши, чаши и др., а также стеклянные изделия: фиалы и геммы-литики. В числе украшений из золоченной терракоты, поступавших в Предкавказье, выделяются терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны, Деметры и Афины, бусы и различные привески. В числе предметов античного импорта следует отметить также слоновую кость. Через Прикубанье в Центральное Предкавказье поступали древнегреческие монеты IV-III вв. до н.э. (найлены в окрестностях г. Ставрополя, в районе Кавминвод, на территории Кабардино-Балкарии и в Затеречье).

Сведения античных авторов, а также находки изделий античного производства в памятниках Центрального Предкавказья свидетельствуют о том, что в скифский период происходили первые контакты и налаживались первые связи местных племен с древнегреческой цивилизацией - миром - экономикой (по Ф. Броделю). Возможно, это явление связано с перемещениями кочевников. Первые контакты, скорее всего, являлись такими процессами (по Д. Френчу), как открытия (путешествия, обмен), пиратство (грабеж, война), дары, добыча, экономические движения (распространение технологий) и меновая торговля.

Второй параграф: *«Экономические и культурные контакты в пределах северокавказского торгового пути в III – I вв. до н.э.»*

В процессах культурных связей населения Предкавказья важное значение имела зона влияния северокавказского степного пути, вдоль трасс которого, не только развивались этнические процессы, налаживались экономические (обменные, транзитные) связи, но и происходили разнообразные иные контакты (костюмные, технологические, идеологические и др.).

О существовании в последние века до н.э. в степях Центрального Предкавказья торгового пути свидетельствуют следующие факты: 1) анализ этнополитических ситуаций в исследуемый период на Северном Кавказе; 2) некоторые сведения античных авторов, касающиеся географии Центрального Предкавказья; 3) распространение античных и др. импортов в Центральном и Восточном Предкавказье (амфоры, керамическая и металлическая посуда, фибулы, перстни, резные камни, бусы, стеклянные сосуды и др.); 4) распространение в Центральном Предкавказье боспорских и др. монет; 5) находки в зоне предположительного пролегания торгового пути кладов ювелирных изделий и монет; 6) анализ географического положения Предкавказья; 7) картографическая ситуация скопления курганов указывает на тяготение их к речным системам верхнего течения Калауса, Томузловки, Кумы, Терека, т.е. к зоне пролегания торгового пути.

На рубеже IV – III вв. до н.э. начинается постоянное движение караванов в Закавказье по Меото-Колхидской дороге и через Ставропольскую возвышенность к предгорьям Кавказа. Этому благоприятствовало обстоятельство образования в Закавказье государств: в конце IV в. до н.э. – Албании, в начале III в. до н.э. – Иберии.

Этап существования степного пути в нач. III в. до н.э. – нач. I в. н.э. связан с сочетанием политических мотивов с экономическими. В числе основных причин следует отметить: осложнение взаимоотношений между Албанией и Мидией в III – нач. II в. до н.э., политический и экономический союз Митридата VI с городами Боспора, Иберией и Албанией в I в. до н.э. Периоды нестабильности прерывали караванную торговлю: в сер. III в. до н.э. (нашествие сарматов), II в. до н.э. (агрессивная политика сиракского союза племен, в связи с этим племена предгорий переориентируются на торговые связи с населением Подонья). Основные категории импорта: бусы, фибулы, медальоны, изделия античной глиптики, престижные чернолаковые сервизы, амфоры и другие керамические сосуды (в которых везли вино, оливковое масло и др.), бронзовая и стеклянная посуда, предметы хозяйственно-бытового назначения (жаровни) и др.

Кроме торгово-транзитных и обменных связей, характерных для зоны вдоль магистрали северокавказского пути, в районе его влияния происходили и различного рода культурные контакты (заимствования в воинской культуре, строительной технике, керамическом производстве, костюмные контакты и др.). В сарматское время распространяется обычай обшивки одежды и аксессуаров бисером, а в украшениях полихромный стиль. О массовых поставках некоторых типов стеклянных и каменных бус свидетельствует факт распространения ожерелий, оформленных в одном стиле, видимо, произведенных в определенных центрах Боспора и Закавказья (бусы с металлической прокладкой, ожерелья из однотипных гагатовых бус, орнаментированных циркульным орнаментом и др.).

Костюм рядовых сарматок состоял из нераспашного платья с глубоким вырезом, обшитого бляшками и бусами, кожаных сапог, расшитых бусами и плаща. Однако в костюме, в частности в головном уборе, наблюдается и сохранение скифских элементов (клобуки). В меньшей степени на одежду населения Центрального Предкавказья оказывала влияние костюмная мода городов Боспора. Эти контакты в основном были опосредованными - через посредничество меотов Прикубанья. От них автохтоны перенимают технологию ткачества на вертикальном станке. Возможно, определенное значение имело функционирование на Ставропольской возвышенности античного сезонного рынка (Грушевское городище).

Функционирование торговых путей было выгодно не только их инициаторам, но и кочевникам. Во-первых, они были вооруженной охраной торговых караванов. Большое количество импортных вещей в качестве платы за перевоз через земли кочевников оседает в районах, близких к торговым путям. Во-вторых, благодаря дружественным отношениям с племенами восточной Иберии и Албании, кочевники имели возможность проникновения вглубь Закавказья за военной добычей. В-третьих, непосредственные контакты с городами Боспора, Иберии и Албании давали возможность кочевнической знати соприкоснуться с высокоразвитой городской культурой этих государств и развитыми общественными отношениями. Предположительно, с этим связано явление дифференциации кочевого населения, наблюдаемое в погребениях I в. до н.э. - I в. н.э., междуречья Лабы и Кубани.

Шестая глава «Духовная культура и культурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э.» состоит из пяти параграфов.

Параграф 1 *«Орнаменты и плоскостные антропоморфные и зооморфные изображения».*

В изобразительном искусстве племен Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. сохраняется ряд черт, характерных для предшествующего периода, но наряду с этим распространяются и новые сюжетные линии. В частности, для орнамента характерен традиционный геометрический декор (хотя в более упрощенной форме). В то же время распространяется орнамент в виде волны. Будучи заимствованным в искусстве Закавказья в середине I тыс. до н.э., такой декор второй волной был принесен в Предкавказье сарматами. С этого времени он становится одним из самых распространенных, наряду с геометрическим орнаментом и способом украшения сосудов вертикальными каннелюрами. Налепной орнамент, характерный для керамики предскифского и раннескифского времени восточного варианта продолжает употребляться в V-III вв. до н.э. на сосудах городищ Ставропольской возвышенности и в Затеречье.

В числе графических изображений следует назвать знаки, похожие на руны, тамгообразные знаки, солярные символы, а также зооморфные и антропоморфные изображения. Причем такие рисунки украшали не только керамику, но и глиняные и костяные изделия. Наличие на кувшине сарматской эпохи из Александровского района изображений оленя, имеющих несомненное сходство с фигурами на фрагменте скифского времени из Пятигорска, позволяет проследить в Центральном Предкавказье черты устойчивой преемственности в культурных традициях этих эпох.

В целом количество сюжетных изображений на керамике в раннесарматское время сокращается. В большей степени такие рисунки характерны для керамики Прикубанья и прилегающих районов (Ставропольское плато). В единичных случаях они отмечены в Притеречье. Что касается антропоморфных изображений, то в рисунках сохраняется схематизм. Однако, в отличие от антропоморфных треугольников и ромбов предскифского и раннескифского периодов фигуры приобретают больше реалистичности. Распространяются жанровые сцены, возможно, связанные с изображением сюжетов героического эпоса. В скифское время появляются плоскостные изображения человеческого лица - личины. Во второй пол. I тыс. до н.э. они являются одним из распространенных сюжетов (бляшки, амулеты и др.), доживая до первых веков н.э.

В исследуемый период кроме врезного геометрического декора для украшения бронзовых и костяных изделий использовали циркульный и пуансонный орнаменты. Параллельно на псалях и накладках использовались приемы ажурной резьбы и гравировки. Бронзовые и золотые пластинки и фольга (обкладки деревянных чаш) декорировались штампованным орнаментом.

В изобразительном искусстве использовались различные краски. Согласно сведениям античных авторов (Плиний, Аммиан Марцеллин, Геродот, Страбон) краски использовали для раскрашивания лиц, татуировок и рисунков на одежде. Кроме одежды в скифо-сарматское время в Центральном Предкавказье красками раскрашивали и другие предметы, как правило, культового назначения. Красной краской (иногда и синей) покрывались кузова погребальных повозок, амулеты из клыков животных и человеческих зубов, музыкальные инструменты и др. В сарматский период использовались целые косметические наборы (Ипатовский кург.).

Второй параграф: «Скульптурные изображения».

Вплоть до начала III в. до н.э. на Ставропольской возвышенности сохраняется традиция изготовления каменных антропоморфных изваяний. Будучи почти идентичными в иконографии, изваяния различаются морфологически относясь к статуарным рельефам и плоским скульптурам. При наличии «общескифских» иконографических элементов отмечается региональное своеобразие некоторых из них (изваяния №№1, 2 и 3 из Беспутки), которое может быть связано с распространением в Центральном Предкавказье в V-IV вв. до н.э. групп смешанных, «скифо-аборигенных» комплексов. Одновременно здесь распространяются и каменные зооморфные фигуры в виде схематичных изображений барана и головы хищной птицы.

В V в. до н.э. в Предкавказье затухает традиция отливки антропоморфных фигурок из бронзы. Предположительно, в сарматское время в роли культовой пластики используются привозные античные бронзовые статуэтки. Во второй половине I тыс. до н.э. появляются античные терракотовые миниатюры (антропоморфные подвески и медальоны - горгонейоны), которые в осмыслении горцев наделялись способностями символов божеств и использовались в культовой практике. Возможно, появление керамических статуэток и других антропоморфных изображений (Александрия, Грушевское городище), также связаны с влиянием античного искусства.

Третий параграф посвящен особенностям звериного стиля Центрального Предкавказья V-I вв. до н.э.

В результате анализа зооморфных изображений V – IV вв. до н.э. из отдельных районов Центрального Предкавказья (Ставропольская возвышенность, степное Ставрополье, р-он Кавминвод, территория Кабардино-Балкарии, горные р-оны Сев. Осетии, Затеречье) выявляются специфические особенности трактовки образов животных, позволяющие наметить основные связи данных регионов с различными стилистическими школами. Территория Ставропольской возвышенности находилась в сфере влияния прикубанского «звериного стиля», а также, одновременно, являлась периферией распространения северопричерноморских образов. Второе характерно и для степной зоны Центрального Предкавказья (кроме восточных районов).

Влияние образцов семибратнего и елизаветинского круга прослеживается в зооморфных изображениях, выявленных на территории Кабардино-Балкарии, в горной Дигории и в Затеречье. Однако, данные районы входят в зону распространения и образцов савроматского звериного стиля Нижней Волги и Южного Приуралья. Если для района

Кабардино-Балкарии в большей степени характерны прикубанские образы, то для Затеречья – нижневолжские савроматские. Последние являются основными и для восточных районов Ставрополя и северных территорий Дагестана.

Изображения из комплексов II в. до н.э. (Комарово) свидетельствуют о дальнейшем продолжении скифских традиций и их устойчивости в регионе. Одновременно, распространяются пряжки, браслеты, гривны и бляшки с зооморфными сюжетами, связанными с территориями Южного Приуралья и Южной Сибири (приток новой группы кочевого населения ?).

В V - IV вв. до н.э. в центральнопредкавказском «зверином стиле» появляется ряд изображений, являющихся производными от синтеза образов, характерных для кобанской культуры и скифского «звериного стиля». К изделиям смешанного типа относятся некоторые поясные пряжки дигорского типа. Традиции кобанского искусства прослеживаются в декоративном оформлении некоторых зооморфных изображений (ажурность, орнаментация треугольниками, спиралями, насечками, заштрихованными линиями и т.д.). В III – I вв. до н.э. местные мастера приспособили заимствованные кочевнические формы колчаных крюков и конской упряжи для оформления их в виде образов, характерных для кобанского искусства.

Четвертый параграф: «Музыкальная культура».

В музыкальный инструментарий местного населения входили духовые (различные виды флейт, свистульки и др.) и струнные инструменты (арфы и домбры). Следует отметить две возможные культурные волны распространения арфы на Северном Кавказе. Первая - занесение этого инструмента из Передней Азии в эпоху ранней бронзы. Вторая волна, видимо, связана с появлением в регионе скифов (арфы горцев по конструкции близки арфе из пазырыкского кургана). В последние века до н.э., видимо в связи с распространением сарматских племен, в местном инструментарии появляются домбры.

Также следует отметить и возможное влияние античной музыкальной культуры. В полисах Северного Причерноморья музыка занимала такое же заметное место, как в самой Элладе. Местное население могло наблюдать за игрой греков на различных инструментах непосредственно в городах, расположенных на Таманском полуострове, когда приезжали туда в торговые дни. Также среди народов Прикубанья особым спросом пользовались чернолаковые сосуды, в их числе могли приобретаться и вазы с изображениями музыкантов (в том числе арфистов).

Кроме перечисленного инструментария в скифо-сарматское время, также, использовались ударные инструменты: колокольчики, погремушки и шумящие привески.

Ритуальная роль музыкальных инструментов отчетливо прослеживается на скифских и сарматских материалах (арфы и домбры в составе погребального инвентаря захоронений жриц; колокольчики и погремушки-навершия - детали погребальных колесниц). У кобанского населения колокольчики использовались в погребальных обрядах, связанных с культом плодородия, и являлись символом сакральной власти. Продольные флейты обычно связываются с пастушеским бытом. Скорее всего, в Предкавказье в скифо-сарматское время этот музыкальный инструмент был одним из основных.

В рамках музыкальной культуры развиваются танцевальные традиции. Особенность иконографии изваяний рубежа V – IV вв. до н.э., выявленных в балке Беспутке (окрестности г. Ставрополя) – весьма реалистичное изображений ног (в танцевальной позе). Танцевальные фигуры, идентичные воспроизведенным на изваяниях, известны в этнографических танцах ряда народов Кавказа. В V – IV вв. до н.э. в зонах смешения оседлых и кочевых племен зарождается танцевальная культура, вобравшая в себя и элементы скифских ритуальных традиций.

Пятый параграф: «Религиозные верования населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э.»

В мощном пласте религиозных верований населения Центрального Предкавказья второй пол. I тыс. до н.э. на фоне ярких черт индоиранской мифологии (космогонические, астральные, близнечные и др. мифы) в погребальной обрядности местных племен сочетаются

элементы древнеиранских культов скифов и сарматов с кавказскими типами религиозных отношений автохтонов и образами древнегреческой мифологии. Характерно сосуществование и сближение двух близких по содержанию, но различных по происхождению культовых систем: кавказской и древнеиранской. Особенно наглядно это проявляется в аналогичных перекликающихся культовых комплексах – солнечно-огненном и умерших предков. При этом местное население заимствует у степняков отдельные элементы культа бога войны. Возможно, через их же посредничество у горцев распространяются и некоторые образы античных культов.

В последние века до н.э. в зонах миксации населения (р-он Кавминвод, территория Кабардино-Балкарии, Затеречье) в погребальном обряде склеповых и грунтовых могильников фиксируются элементы как древнеиранской, так и кавказской культовой систем. В горных районах, наиболее удаленных от зон культурного контактирования сохраняются местные - локальные типы религиозных отношений: горных вершин, деревьев и др. Наряду с этим, в верованиях местного населения второй пол. I тыс. до н.э. прослеживаются элементы тотемизма, анимизма и магии.

В целом, у различных групп населения Центрального Предкавказья исследуемого периода выделяются общескифские культовые комплексы: солнца-огня, предков, бога войны; общекавказские: солярные, астральные, огненные, предков, животных, плодородия.

Все основные – «тотальные» культы являются, по сути, симбиозом близких по содержанию, переплетающихся между собой, менее значительных совокупностей действий, имеющих целью дать видимое выражение религиозному поклонению. В частности, в культовом комплексе солнца – огня выделяются следующие культы: солнца, солнечной колесницы, солнечных коней, луны, грома и молнии, огня, надочажной цепи, котла – сосуда-матки, ковша, огнива, вождя, золота, кузнеца, бронзы и железа, стрел, мирового дерева, птицы, бога Фарна, оленя и др. копытных, демиурга, богини плодородия, размножения, земледелия, быка, фаллический, музыкальных инструментов и др.

Культовый комплекс мертвых представляет собой сложное переплетение культов (и обрядов), связанных с хтоническим миром: предков, богини-прародительницы, жилища мертвых, погребальной колесницы, царского табуна, «посвящение коня покойнику», жертвенных животных, культовых ножей, умерщвление души вещи, «обезвреживание покойника», острых предметов, оселка, камня, змеи, хищной птицы – орла, ворона и др., хищника – волка и др., зайца, чаши Нартамонга, Азан-дерева из страны мертвых и др.

В свою очередь, совокупность действий, посвященных поклонению богу войны, перекликающаяся с культовым комплексом мертвых, имеет собственное идейно-обрядовое содержание. Следует отметить культы: меча, грозы-молнии, крови, человеческой головы, умерщвления – воскрешения, сакральной жертвы, оружия, боевой колесницы, боевого коня и всадника, хищной птицы и др.

В меньшей степени в религиозной системе местного населения прослеживаются заимствованные образы античных культов. Скорее всего, распространение античных антропоморфных изображений и их использование в культовой практике населения Центрального Предкавказья связано не с прямым восприятием античных религиозных отношений, а с заимствованием инокультурной иконографии для антропомизации собственных божеств.

Также существовали общинные и семейно-родовые типы религиозных отношений: культы огня-очага, производственных участков, фаллический, лунарный, хтонический, плодородия и др. В связи с этим дифференцируются и культовые сооружения. Ритуалы, посвященные «тотальным» культам проводились на значительных по площади племенных святилищах, ритуальных площадках и др. При этом существовали небольшие святилища, жертвенники и очаги при жилищах и ремесленных мастерских, для исполнения общинных, семейных и производственных обрядов. Следует отметить, что основной пласт верований определяется характером земледельческо-скотоводческого хозяйства и органически связан с идеей плодородия.

В заключении работы подводятся общие итоги исследования и делаются основные выводы.

На массовом общерегиональном материале нами впервые предпринята попытка установления роли и значения взаимоотношений автохтонного населения Центрального Предкавказья с кочевниками, а также с народами Кавказа, Причерноморья, Подонья, Поволжья и др. во второй половине I тыс. до н.э. в деле историко-культурного и этнополитического развития местных племен.

Становится очевидным, что взаимодействие между автохтонами и номадами было неодинаково интенсивным для различных районов и географических зон Центрального Предкавказья. Наиболее постоянными были отношения тех и других в предгорно-равнинной (плоскостной) зоне, т.е. на территории, где обоснованно фиксируется непосредственное обитание как представителей кобанской культуры, так и самих кочевников. Здесь происходили сложные процессы этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния, приводившие первоначально к синтезу в области культуры и идеологии и распространению некоторых черт погребальной обрядности в местной среде, а в дальнейшем к процессу этногенетической миксации (смешению населения) – появлению этнических новообразований с синкретической культурой. В каждой зоне наиболее интенсивных контактов происходили сходные процессы, но со своим локальным своеобразием. На Ставропольской возвышенности – это значительное влияние культуры меотов. В горных районах результаты контактов не привели к прогрессирующей утрате аборигенами своей самобытности. В предгорных районах часть кочевых племен в зонах миксации постепенно седентеризируется, приобретая черты оседлого населения.

В процессах культурных связей населения Предкавказья важное значение имела зона влияния северокавказского степного пути, вдоль трасс которого, не только развивались этнические процессы, налаживались экономические (обменные, транзитные) связи, но и происходили разнообразные иные контакты (костюмные, технологические, идеологические и др.).

В V - IV вв. до н.э. налаживаются разнообразные экономические (обменные) связи как между различными группами представителей кобанской культуры, автохтонами и местным кочевым населением, так и через их посредничество с народами Прикубанья, Причерноморья, Закавказья, Поволжья, Южного Приуралья и Подонья. Это прослеживается в распространении определенных типов оружия, керамической и металлической посуды, зеркал и украшений. Из района Предкавказья вывозили сырье, некоторые типы украшений и керамическую посуду. Через данный район из Закавказья к племенам выше перечисленных территорий поступали различные украшения (из золота и полудрагоценных камней).

Население горных районов, прилегающих к перевалам, играло роль преобразователей и ретрансляторов культурных импульсов (украшения, керамика и др.), шедших из центров Закавказья (Западная Грузия, Колхида, Албания, Иран), развивая полученные формы на основе собственного богатого опыта. В результате контактов автохтонов с группами кочевников Притеречья закавказские образцы и их местные реплики распространяются в Предкавказье и далее на северо-восток – вплоть до территорий Поволжья и Южного Приуралья. В данный период поселения кобанской культуры становятся центрами бронзолитейного, керамического и косторезного производства, продукция которых через посредничество кочевников распространяется в степных районах вплоть до Северного Причерноморья и Поволжья.

Инокультурные элементы в системе жизнеобеспечения поселений и городищ, характерные в большей степени для Ставропольской возвышенности, свидетельствуют о контактах с племенами Прикубанья (керамическое производство, технология ткачества, приемы строительной техники, рыболовство, возможно, элементы земледельческой культуры, некоторые типы конской упряжи и вооружения) и процессе смешения с кочевниками (животноводческая культура). Судя по захоронениям лошадей, коневодство развивается и в горных районах.

В результате разнообразных контактов кобанского населения Ставропольской возвышенности и района Кавминвод с савроматскими племенами у автохтонов появляются сосуды поволжских и южноуральских форм, отдельные формы зеркал, а также заимствуются элементы воинского костюма (портупейные крюки, колесовидные колчаные привески и др.). Из районов Северного Причерноморья и Подонья в Предкавказье поступали бусы, янтарь, пелопонесские зеркала, зооморфные пряжки-крючки.

В процессе костюмных контактов автохтонных народов Предкавказья с ираноязычными этносами особую роль играли миграции кочевых племен и их последующее сосуществование с горцами в рамках узколокальной территории. В результате в районах их наибольшего смешения наблюдается появление в одежде данного населения элементов костюма ираноязычных племен (головные уборы, обувь и др.). В мужском костюме кобанцев используются металлические пояса – подражания боевым скифским. В Затеречье, видимо, под влиянием савроматов, в костюмной моде проявляется обычай украшения одежды стеклянными бусами. Одновременно в Притеречье в отдельных случаях головные уборы украшаются нашивками из фольги либо налобными лентами.

В сарматское время распространяется в украшениях полихромный стиль, а также обычай обшивки одежды и аксессуаров бисером, связанный с процессом сарматизации. Однако в костюме, характерном для сарматов, в частности в головном уборе, наблюдается и сохранение скифских элементов (клобуки). Что явно свидетельствует о составном характере костюма, связанным с процессами смешения населения. В этот же период в богатых подкурганых погребениях северной и восточной групп встречаются ювелирные изделия (серьги, гривны, браслеты, бляшки) скифского облика, что объясняется дальнейшим продолжением скифских традиций и их устойчивостью у местного населения (с. Комарово - не ранее II в. до н.э.).

В меньшей степени на одежду населения Центрального Предкавказья оказывала влияние костюмная мода городов Боспорского царства. Эти контакты в большей степени были опосредованными - через посредничество меотов Прикубанья. От меотского населения автохтоны перенимают технологию ткачества на вертикальном станке. Возможно, определенное значение имело функционирование на Ставропольской возвышенности античного сезонного рынка (Грушевское городище).

От ираноязычных кочевников горцы заимствовали ряд струнных и ударных музыкальных инструментов. В V – IV вв. до н.э. в зонах смешения оседлых и кочевых племен зарождается танцевальная культура, вобравшая в себя и переработавшая элементы скифских ритуальных традиций.

В результате анализа зооморфных изображений V – IV вв. до н.э. из отдельных районов Центрального Предкавказья выявляются специфические особенности трактовки образов животных, позволяющие наметить основные связи данных регионов с различными стилистическими школами. Территория Ставропольской возвышенности находилась в сфере влияния прикубанского «звериного стиля», а также, одновременно, являлась периферией распространения северопричерноморских образов. Второе характерно и для степной зоны Центрального Предкавказья (кроме восточных районов).

Влияние прикубанских образцов семибратнего и елизаветинского круга прослеживается в зооморфных изображениях, выявленных на территории Кабардино-Балкарии, в горной Дигории и в Затеречье. Однако, данные районы входят в зону распространения и образцов савроматского звериного стиля Нижней Волги и Южного Приуралья. Если для района Кабардино-Балкарии в большей степени характерны прикубанские образы, то для Затеречья – нижеволжские (и южноприуральские) - савроматские. Последние являются основными и для восточных районов Ставрополя и северных территорий Дагестана.

Процесс культурного контактирования и этнического смешения прослеживается в особенностях религиозных верований местного населения. В пласте религиозных верований второй пол. I тыс. до н.э. на фоне ярких черт индоиранской мифологии (космогонические,

астральные, близнечные и др. мифы) в погребальной обрядности местных племен сочетаются элементы древнеиранских культов скифов и сарматов с кавказскими культурами автохтонов и образами древнегреческой мифологии. Для середины – второй пол. I тыс. до н.э. характерно сосуществование и сближение двух близких по содержанию, но различных по происхождению культовых систем: кавказской и древнеиранской (особенно в зонах миксации населения). Наглядно это проявляется в аналогичных перекликающихся культовых комплексах – солнечно-огненном и умерших предков. При этом местное население заимствует у степняков отдельные элементы культа бога войны. Возможно, через их же посредничество у горцев распространяются и некоторые образы античных культов.

В V – IV вв. до н.э. наблюдается миксация населения на территориях Ставропольского плато и Кабардино-Пятигорья, заселенной представителями кобанской культуры (появляются подкурганые захоронения со смешанными чертами – Грушевский кург., мог. Нартан). Об этом же свидетельствуют «скифо-аборигенные» комплексы изваяний. В IV - III вв. до н.э. смешанное население западной группы входит в союз язамато-меотских племен Прикубанья. С этим связано распространение в Центральном Предкавказье склеповых сооружений и святилищ, подобным меотским. В данный период племена Ставропольского плато находились в зоне влияния меотов Прикубанья. Местным населением заимствуются некоторые технологии керамического производства, ткачества и строительного дела. В данный период налаживаются экономические связи с античными центрами Причерноморья и меотскими поселениями. Поставки вина имели импульсный характер (Грушевское городище).

Судя по комплексу амфорных родосских клейм, выявленному в погибшем от пожара Грушевском городище, в 50-40-е годы III в. до н.э. в Предкавказье вторгается новая группа кочевников (сирматы, исседоны, сираки ?) на короткое время дестабилизировавшая политическую ситуацию в регионе. Видимо, в связи с этим распространяются комплексы с прохоровскими вещами. Результаты исследований памятников Прикубанья и Ставрополья опровергают тезис об отсутствии погребений датируемых III в. до н.э. Об этом свидетельствуют материалы как поселений, так и могильников (склепов периода I, грунтовых и подкурганых погребений). Гробницы, в которых обнаружены предметы первого периода, в основном концентрируются на Ставропольской возвышенности, а также, в верховьях Кубани, в районе Кавминвод и на территории Кабардино-Балкарии (набианы раннего периода).

Во II в. до н.э. в Предкавказье распространяются подкурганые погребения с широтной (западной) ориентировкой, свидетельствующие о завоевании этого района сираками. Возможно, с указанными событиями связано прекращение традиций захоронений в склепах на Ставропольской возвышенности и сооружения подбойных могил (земляных склепов ?) у х. Херсонка. Одновременно начинают функционировать грунтовые могильники на территории Кабардино-Балкарии: Чегемский и Нижне-Джунатский. В связи с движением сарматских группировок к перевалам, местное оседлое население вынуждено было мигрировать из степного Предкавказья на юг – в более безопасные предгорные районы. В этот период в предгорных районах (Верховья Кубани, Кисловодская котловина) продолжают хоронить в склеповых гробницах (2 период).

Юго-восточные районы Ставрополья и Терек, видимо, являлись границей между набианами и панксанами (потомки миксированного скифо-савроматского населения. С сер. II в. до н.э. набианы, будучи оттеснены на юг, локализуются в предгорных районах: в верховьях Кубани, на склонах гор-лакколитов Пятигорья, в Кисловодской котловине и на территории Кабардино-Балкарии. Панксаны занимают территорию Затеречья, где соприкасаются с кавказскими племенами (юго-восточные р-оны Чечни). Проход между набианами и панксанами, ведущий к перевалам, а также левобережье Терека контролировались кочевниками (сираками, аорсами и др.).

Период после утверждения господства в Предкавказье сираков характеризуется изменениями, наблюдающимися в этнических процессах в регионе: маргинальное контактирование сменяется межэтнической интеграцией, при которой в результате взаимодействия у контактирующих этнических групп происходят незначительные изменения

этнических черт. Одновременно с развитием межэтнической интеграции в сиракском союзе племен в отдельных районах протекали процессы этногенетической миксации, которые стимулировались оседанием кочевников. В результате на территории Кабардино-Пятигорья происходят сложные процессы культурного и этнического смешения. В данном районе, где к этому периоду проживало миксированное со скифами население, появляются племена, мигрировавшие с территории Ставропольского плато, также перемешанные со скифами, но со своими культурными отличиями (меотское и савроматское влияние). В грунтовых могильниках западной группы (Нижне-Джудатский мог., Чегемский мог.) появляются инновации в виде преобладающих катакомб. Здесь же в погребальной обрядности наряду с сарматскими чертами наблюдается сохранение скифских (захоронения лошадей, подмазка дна могил зеленой глиной и др.), а также горских элементов (меридиальная ориентировка костяков, украшения и амулеты, выполненные в кобанском зооморфном стиле). В подкурганых комплексах отмеченного периода наблюдаются элементы земледельческой культовой практики (находки терочников и зернотерок). Таким образом, на территории Кабардино-Пятигорья формируется синкретическое этническое новообразование (условно – поздние набианы).

Появление енисейских пряжек, парчи, а также изделий звериного стиля связано с миграциями с северо-востока в Предкавказье новых групп кочевого населения. Факт их нахождения в одних могильниках, особенно это касается территории прилегающей к Дарьяльскому ущелью, подчеркивает смешанный характер населения предгорий.

После разгрома сираков (49 г. н.э.) приход аорсов, а затем алан вынудили местное население отступить на юг, в глубь предгорий, в более безопасные места. Синкретическое этническое новообразование смешивается в горных ущельях с представителями кобанского населения. В результате завершился первый период политического господства в Центральном Предкавказье ираноязычного населения, предположительно приведший к формированию дигорского диалекта осетинского языка. В горных ущельях происходит консервация (превращение в традиции) отдельных элементов синкретической культуры набианов (архаическая часть дигорского диалекта, эпические сказания, религиозные представления, элементы музыкальной и танцевальной культуры, элементы животноводства и др.).

В целом выводы, основанные на реконструкции этнических и культурных связей оседлых и кочевых племен позднескифского и раннесарматского периодов и их компаративном анализе с привлечением этнографических данных, сведений Нартовского эпоса существенно уточняют панораму истории культуры народов Северного Кавказа эпохи древности, выявляют ряд важных закономерностей контактов и эволюции в различных сферах культуры. Это позволяет уже сегодня решить целый ряд вопросов этно- и культурогенеза, культурных контактов, политической истории и развития искусства Северного Кавказа соответствующих периодов.

III. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

I. Издания, реферируемые ВАК РФ

1. Прокопенко Ю.А. Предварительные итоги исследования памятников позднескифского времени Центрального Предкавказья в конце XX – начале XXI в. (историографический обзор) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. №4(17). - Ростов-на Дону, 2004 - 1,4 п.л.

2. Прокопенко Ю.А. Элементы культа очага в погребальной обрядности населения Предкавказья в сарматское время // Российская археология. 2001. №4. – 0,6 п.л.

3. Прокопенко Ю.А. Земледелие у племен Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. // Вестник Ставропольского государственного университета. Исторические науки. - Ставрополь, 2003. Вып.33. - 0,8 п.л.

4. Прокопенко Ю.А. О культурной принадлежности Султановского кургана, исследованного И.А. Владимировым в 1900 году у горы Брык // Вестник Ставропольского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. – Ставрополь, 1998. Вып.15. – 1,3 п.л.

II. Монографии

1. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. - Ставрополь, 2005. – 807 с. - 95,81 п.л.

2. Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. - Ставрополь, 1999. – 319 с. - 18,6 п.л.

III. Статьи и материалы конференций

1. Прокопенко Ю.А. Степное Предкавказье в IV-III вв. до н.э. // Материалы и исследования по археологии России. Вып. 3. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. - М.: ИА РАН, 2001. – 0,8 п.л.

2. Прокопенко Ю.А. О музыкальной культуре населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. // ЭКО. Экология. Культура. Образование. - Ставрополь, 2006. Вып.19-20. – 0,4 п.л.

3. Прокопенко Ю.А. История изучения памятников раннесарматского времени Центрального Предкавказья (историографический обзор) / СГУ.- Ставрополь, 2004. Деп. в ИНИОН РАН, №58593 - 2 п.л.

4. Прокопенко Ю.А. Разведки в черте Ставрополя // Археологические открытия 2003 года. - М.: Наука, 2004. – 0,05 п.л.

5. Прокопенко Ю.А. О этнополитических процессах на Северном Кавказе во второй половине IV-III вв. до н.э. // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. науч. ст. Вып.6. - Ставрополь, 2004. - 1,4 п.л.

6. Прокопенко Ю.А., Швырева А.К. Значение животноводства и охоты у населения городищ Ставропольской возвышенности в скифское и раннесарматское время // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. науч. ст. Вып.6. - Ставрополь, 2004. - 2 п.л.

7. Прокопенко Ю.А. Налобные, нащечные и нагрудные пластины конского убора из памятников Северного Кавказа V – начала II вв. до н.э. и их аналоги в комплексах Северного Причерноморья // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Межд. науч. конф., посв. 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина 4-6 ноября 2004 года. - Харьков, 2004. - 0,3 п.л.

8. Прокопенко Ю.А. К вопросу об атрибутах костюма и украшениях населения Центрального Предкавказья во второй половине III – I вв. до н.э. (по материалам подкурганых захоронений) // История и современность Российской государственности в регионе Кавказских Минеральных Вод. Мат. рег. науч. конф. Научные труды ПГТУ, №24. - Пятигорск, 2003. – 0,5 п.л.

9. Prokopenko Yu. A. Greek and Celto-italian Helmets of the IV-Ist Centuries BC on the Territory of the Central Pre-Caucasus // Instrumentum. 2002, №2. – 0,4 п.л.

10. Прокопенко Ю.А. Типы устражающих насадок на удилах второй половины V-III вв. до н.э. из памятников Северного Кавказа // Из истории народов Северного Кавказа. - Ставрополь, 2002. Вып.5. – 0,7 п.л.

11. Прокопенко Ю.А. Особенности звериного стиля Центрального Предкавказья V-III вв. до н.э. // Из истории народов Северного Кавказа. - Ставрополь, 2002. Вып.5. – 0,7 п.л.

12. Прокопенко Ю.А. Жилища населения Центрального Предкавказья второй половины I тыс. до н.э. // Историко-археологический альманах. - Армавир-М.: ИА РАН, 2002. Вып.8. - 0,8 п.л.

13. Прокопенко Ю.А. Разведки в окрестностях г. Ставрополя // Археологические открытия 2001 года. - М.: ИА РАН, 2002. – 0,1 п.л.

14. Прокопенко Ю.А. О типах устрожающих насадок на удилах второй половины V-III вв. до н.э. из памятников Северного Кавказа // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Матер. межд. науч. конф. - Тирасполь, 2002.- 0,6 п.л.
15. Прокопенко Ю.А. К вопросу о зверином стиле Центрального Предкавказья V-III вв. до н.э. и его западных аналогиях // Исторична наука: проблеми розвитку. Матеріали міжнародної наукової конференції 17-18 травня 2002 року. Секція археології. - Луганск, 2002. – 0,6 п.л.
16. Прокопенко Ю.А. Находки античных монет второй половины I тыс. до н.э. в Центральном Предкавказье // Нумизматический альманах. 2001. №3(18). – 0,9 п.л.
17. Прокопенко Ю.А. К вопросу о преемственности традиции «обола Харона» в погребальном обряде населения Северного Кавказа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения. Сб. мат. теоретич. семинара. - Ставрополь, 2001. – 0,2 п.л.
18. Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Подкурганное погребение III-I вв. до н.э. у г. Машук // Из истории народов Северного Кавказа. Вып.4. - Ставрополь, 2001. – 0,4 п.л.
19. Прокопенко Ю.А. История изучения склеповых могильников IV-III вв. до н.э. Центрального Предкавказья // Из истории народов Северного Кавказа. Вып.4. - Ставрополь, 2001. – 0,6 п.л.
20. Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Железная конская узда позднескифского времени из кургана «Каменная могила близ» Железноводска // Из истории народов Северного Кавказа. Вып.4. - Ставрополь, 2001. – 0,4 п.л.
21. Прокопенко Ю.А. К вопросу об этнической принадлежности могильников IV-III вв. до н.э. степного Предкавказья // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Мат. всерос. науч. конф. Ставрополь, 11-14 сентября 2001. - Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. Ч.1. – 0,3 п.л.
22. Прокопенко Ю.А. История изучения склеповых могильников IV-III вв. до н.э. Центрального Предкавказья в дореволюционный период // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Мат. всерос. науч. конф. Ставрополь, 11-14 сентября 2001. - Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. Ч.2. – 0,2 п.л.
23. Прокопенко Ю.А. Образы древнегреческой мифологии в погребальной обрядности Предкавказья в IV-II вв. до н.э. // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Мат. межд. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына (1900-1972). Саратов-Энгельс, 14-18 мая 2000 г. - Саратов, 2000. – 0,4 п.л.
24. Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко Ю.А. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя // Донская археология, 2000, № 2. – 0,8 п.л.
25. Прокопенко Ю.А. Экономические связи населения Ставропольской возвышенности в IV-III вв. до н.э. // Донская археология, 2000, № 1. – 0,9 п.л.
26. Прокопенко Ю.А. Склеповые сооружения раннего железного века района Кавминвод // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. науч. ст. Вып.3.- Ставрополь, 2000.- 0,9 п.л.
27. Прокопенко Ю.А. О связях населения Ставропольской возвышенности с поселениями Прикубанья в IV-III вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Мат. VI межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара, 2000. – Вып.1. –0,8 п.л.
28. Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Склеп № 2 Татарского 1 могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир.: Сб.ст.- Ставрополь, 1999. – 1,8 п.л.
29. Прокопенко Ю.А. К вопросу о связях населения Центрального Предкавказья в IV-III вв. до н.э. // Историко-археологический альманах.- Армавир-М.: ИА РАН, 1998. - № 4.- 0,7 п.л.

30. Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей по нумизматическим материалам IV в. до н.э. – XI в. из памятников Центрального и Восточного Предкавказья. Авт. дис. канд. ист. наук. – Ставрополь, 1998. – 26 с. - 1,56 п.л.
31. Прокопенко Ю.А., Фоменко В.А. Комплексы эпохи раннего железного века и раннего средневековья Клин-Ярского III могильника // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. – Вып.2.- 1 п.л.
32. Найденко А.В., Прокопенко Ю.А., Деопик Д.В. Керамика Грушевского городища (предварительная публикация) // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. – Вып.2.- 1,8 п.л.
33. Кудрявцев А.А., Охонько Н.А., Березин Я.Б., Прокопенко Ю.А. Раскопки на Татарском городище // Археологические открытия 1996 года.- М.: ИА РАН, 1997. - 0,3 п.л.
34. Прокопенко Ю.А., Найденко А.В. К уточнению хронологии позднего периода существования Грушевского городища // Из истории народов Северного Кавказа: Сб.ст.- Ставрополь, 1997.- Вып.1. – 0,4 п.л.
35. Прокопенко Ю.А. О прикаспийском ответвлении Северной трассы Великого шелкового пути в I в. до н.э. - III в. н.э. // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Мат. межд. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897-1997). г. Энгельс, 12-17 мая 1997 г. – Саратов, 1997. - 0,3 п.л.
36. Прокопенко Ю.А. Северо-Кавказский степной торговый путь IV в. до н.э. – IV в. н.э. // Тарих. – Махачкала, 1996. - № 2-3. – 0,4 п.л.
37. Прокопенко Ю.А. Северная ветвь Великого шелкового пути в I веке до н.э. – III веке н.э. // Развитие экономики и предпринимательства в России и за рубежом. Межвуз. сб. науч. ст. - Ставрополь, 1996. – 0,8 п.л.
38. Прокопенко Ю.А., Фоменко В.А. Памятники сарматского времени северо-восточной части Пятигорья // Страницы истории России: Сб. ст.- Ставрополь, 1996.- 0,4 п.л.
39. Прокопенко Ю.А., Фоменко В.А. Могильные древности из окрестностей города Кисловодска // Из истории земли Ставропольской: Сб.ст. – Вып. 2. – Ставрополь, 1996. – 0,4 п.л.
40. Найденко А.В., Прокопенко Ю.А. Археологические материалы Грушевского городища VIII-III вв. до н.э. как исторический источник по истории края (исследование пряслиц) // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: Мат. науч. конференции. - Ч.1.- Ставрополь, 1995. – 0,7 п.л.
41. Прокопенко Ю.А. Этническая история населения Центрального Предкавказья в III – I вв. до н.э. (историография вопроса) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тез. докл. - М., 2004. - 0,2 п.л.
42. Прокопенко Ю.А. Особенности конструкций склеповых сооружений Центрального Предкавказья IV-II вв. до н.э. (параллели со склепами Причерноморья) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Резюме докладов XI международной научной конференции (31 мая – 5 июня 2003 г.). - Ростов-на-Дону, 2003. – 0,05 п.л.
43. Прокопенко Ю.А. Язамато-меотский союз племен в Предкавказье во второй половине IV- первой половине III в. до н.э. // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. Ч.II. - М.: ГИМ, 2003. – 0,3 п.л.
44. Прокопенко Ю.А. Особенности погребального обряда кочевого населения Центрального Предкавказья во второй половине IV-III вв. до н.э. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению северного Кавказа. Тез. докл. межр. науч. конф. (г. Ставрополь, 24-26 апреля 2003 г.). - Ставрополь, 2003. – 0,7 п.л.
45. Прокопенко Ю.А. Керамика античного и меотского производства в памятниках Ставропольской возвышенности IV-III вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне

Черного моря в древности и в средние века: материалы X межд. конф. 29 мая – 3 июня 2001 г. - Ростов-на-Дону, 2002. – 0,3 п.л.

46. Прокопенко Ю.А. К вопросу о преемственности традиции «обола Харона» в погребальном обряде населения Северного Кавказа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения. Сб. мат. теоретич. семинара. - Ставрополь, 2001. – 0,2 п.л.

47. Прокопенко Ю.А. Об элементах культа очага в погребальной обрядности населения Предкавказья в сарматское время // IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа. Мат. рег. науч. конф. (9 апреля 2000 г.).- Ставрополь, 2000. – 0,8 п.л.

48. Прокопенко Ю.А. К вопросу об использовании образов древнегреческой мифологии в погребальной обрядности Предкавказья в IV-III вв. до н.э. // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время (тез. конф. 30-31 мая 2000 г.). - Пятигорск, 2000. – 0,3 п.л.

49. Прокопенко Ю.А. К вопросу о культурной принадлежности склепа, раскопанного в конце XIX века у горы Брык // XX юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Железноводск, 1998. – Ставрополь, 1998. – 0,2 п.л.

50. Прокопенко Ю.А. К проблеме существования в степном Предкавказье в IV в. до н.э.- IV в. н.э. караванных дорог // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру (Тез. I межд. конференции 11-14 сентября 1996 года). Симпозиум 1, Северокавказская цивилизация: история, культура, экономика, социология, философия. – Ч.1. – Пятигорск, 1996. – 0,4 п.л.

51. Прокопенко Ю.А. Предметы римско-провинциального и боспорского производства I-III веков н.э. в памятниках Центрального и Восточного Предкавказья (к вопросу о древних торговых путях в Предкавказье) // Деловая Россия: история и современность: тезисы второй всерос. заоч. науч. конф.- СПб.: Нестор, 1996.- 171 с. - 0,2 п.л.